

Структурная конфигурация и хронологические рамки анализа

Прежде чем приступить к осмыслению тенденций новейшей эволюции политической элиты такой российской республики, как Башкортостан, необходимо определиться с тем, что мы понимаем под предметным содержанием нашего анализа. Дело в том, что уже на этом этапе исследования возникают значительные трудности методологического характера. Во-первых, в связи с тем, что мы осуществляем персонифицированный анализ жизнедеятельности политической элиты республики на основе подробных биографических данных, кажущийся теперь уже несколько праздным, теоретико-схоластическим вопрос об определении сущности элиты приобретает в нашем случае важное значение. Тем более что на протяжении исследуемого периода (1986-1999 гг.) как сущностное значение, так и структурное содержание политической элиты Башкортостана радикально эволюционировало в соответствии с теми общественно-политическими коллизиями, которые переживала вся страна.

Не вдаваясь в дискуссию по определению понятия «элита», хочу заметить, что если в отношении общеполитологической дефиниции этого явления отечественная наука уже подходит к общему знаменателю, то применительно к региональной элите и особенно элите российских республик подобная работа только предстоит¹. Вот как, например, определил сущность региональной политической элиты В.Мохов – один из исследователей этой проблемы на внутриобластном уровне: это «... лидеры областных структур регионов, обладающие: 1) основным объемом прав и полномочий в выработке решений (в т.ч. и по кадровым назначениям и перемещениям), контроле за их исполнением, оценке результатов деятельности; 2) собственным аппаратом политических работников; 3) определенным комплексом ценностей, установок, мировоззренческих ориентиров; 4) особым образом жизни и поведения»². Соглашаясь в целом с предложенной В.Моховым дефиницией региональной политической элиты и подчеркивая необходимость наличия в последней такого смыслового содержания, как «способность оказывать наибольшее влияние на развитие политических процессов»³, применительно к предмету нашего исследования мы должны отметить прежде всего его динамические, процессуальные характеристики.

Эволюция, и порой довольно значительная, предметно-структурного содержания политической элиты происходит, как показывает специальный анализ, даже в рамках стабильного развития одной общественно-политической системы. Это характерно, например, для советской номенклатурной элиты с периода ее зарождения в 20-е годы до конца 80-х годов. Тем более радикально меняются суть и основные элементы системного феномена «политическая элита Башкортостана», во всяком случае институционально, в условиях исследуемого нами переходного периода. Вместе с тем специфической особенностью развития политической элиты российских республик является высокий уровень кадровой и функциональной преемственности некоторых внутриэлитных групп. Например, главы администраций городов и районов образца 1995 г. и 1999 г. по своей подконтрольности и назначаемости центральной республиканской исполнительной вла-

---

¹ В то же время анализ новейшей, в том числе учебной литературы по политологии, политической социологии и собственно элитологии показывает, что дискуссия о сущностном содержании понятия «элита» не утихает и, по-видимому, далека от завершения. См. например: Основы политической социологии. Учебник. М.; Н. Новгород, 1998. С. 162-168.

² Мохов В. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции // На путях политической трансформации... С. 85.

³ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1999. С. 155.

стью и по уровню властных полномочий в подведомственных территориях сильно напоминают первых секретарей горкомов и райкомов КПСС в 1986 г. Идентичны эти группы и в количественном смысле. Весьма симптоматично и то, что многие главы администраций 1995 г. работали до 1991 г. первыми или вторыми секретарями КПСС соответствующих территорий.

Почти аналогичная преемственность и в смысле зависимости от высшей группы политической элиты республики, и по хозяйственно-исполнительской направленности полномочий, и по количеству наблюдается у групп, представляющих Совет министров Башкирской АССР в 1986 г. и Кабинет министров Республики Башкортостан в 1995 г. и 1999 г.

Совершенно различными по названию, но похожими по положению в политической системе и объему власти являются институты высшей политической элиты Башкортостана в советское и постсоветское время. В 1986 г. это был, конечно же, Башкирский обком КПСС. Имеется ввиду не формальный коллегиальный орган, избираемый партконференциями, а аппарат руководящей номенклатуры. В нашем случае – это секретари и заведующие отделами Обкома КПСС. В постсоветское время, после завершения формирования политической системы на основе Конституции 1993 г. в состав высшей группы политической элиты Башкортостана вошли президент и наиболее ответственные работники его администрации, а также руководители высшего законодательного органа – Госсобрания – Курултая РБ (председатель Госсобрания, председатели палат, их первые заместители, председатели постоянных комитетов), находящиеся в жесткой зависимости от воли президента.

Наибольшую методическую трудность в нашем исследовании представляла задача выделения и структурализации политической элиты Башкортостана в период, по выражению А.В. Дука, «партийно-советского дуализма» – в 1990-1991 гг. Для политической элиты Башкортостана это был совершенно особенный этап эволюции, радикально отличающийся и от советской эпохи, и от постсоветского времени. Во-первых, значительную роль в формировании политической элиты сыграл в этот период первый опыт демократизированной избирательной системы, что позволило, кстати, в первый и, видимо, в последний раз в новейшей истории войти в правящую элиту небольшим группам деятелей без партийно-советского номенклатурного прошлого. Во-вторых, ситуация партийно-советского двоевластия в Башкортостане имела целый ряд специфических черт, сформировавших в тот период облик политической элиты. Партийное (КПСС) руководство республики в связи с «фенольной» эпопеей и общей волной демократизации в стране было тогда в значительной степени деморализовано целой серией громких и масштабных отставок и практически ушло в глубокую оборону, почти полностью погрузившись во внутрипартийные дразги. Это обстоятельство, а также формальный переход власти к Советам в результате отмены шестой статьи Конституции СССР позволили вновь избранному руководству Верховного Совета Башкортостана перехватить у Обкома КПСС инициативу и возглавить борьбу за суверенитет республики. Идея суверенитета, подкинутаая, кстати, из федерального российского центра, стала постепенно концепцией, вокруг которой консолидировалась новая элита Башкортостана. Примечательно, что в состав сформированного тогда постоянно действующего Президиума Верховного Совета не вошел ни один партийный функционер республиканского масштаба. Существенное значение для эволюции элиты имел и тот факт, что согласно действующему тогда Регламенту Верховного Совета его Президиум и высший орган исполнительной власти – Совет министров обладали практически равновеликими полномочиями и одинаковой ответственностью перед Законодательным Собранием. Это создавало ситуацию «двойного двоевластия»¹.

Поэтому мы выделили в отдельные группы высшей политической элиты Башкортостана 1990-1991 гг. членов Президиума Верховного Совета и Совета министров.

Сложнее всего было определить, кого отнести к, так сказать, региональной политической элите республики в переходный период. Дело в том, что в момент избрания, в марте 1990 г. депутатами законодательной ассамблеи – Верховного Совета республики по устоявшейся советской традиции стали 55 секретарей обкомов, райкомов и горкомов КПСС, в том числе практически весь высший партийный «бомонд» Башкортостана, а также 42 руководителя Советской власти всех уровней. В течение 1990-1991 гг. часть депутатов – партийных секретарей совмещала свою работу с должностями председателей соответствующих советов. Однако вслед за знаменитым Указом Президента Б.Ельцина о запрещении совмещения постов председателя Совета и руководителя общественной организации, по нашим подсчетам, 34 районных секретаря ушли со своих основных должностей и остались председателями Советов. Именно они уже в постсоветскую эпоху составили основной костяк районных руководителей – глав администраций. В то же время районные руководители, которые предпочли пост партийного босса должности председателя Совета, вплоть до августовских (1991 г.) событий сохраняли свое влияние на политическую жизнь Башкортостана, оставаясь народными депутатами, правда, на некоторое время безработными. Именно поэтому в состав так называемой территориальной политической элиты Башкортостана периода 1990-1991 гг. для нашего анализа мы отобрали секретарей райкомов КПСС и председателей районных советов и исполкомов, избранных депутатами Верховного Совета весной и летом 1990 г. Несмотря на то, что их количество несколько больше числа советских секретарей и постсоветских глав администраций, использование этой цифры в нашем анализе представляется статистически репрезентативным и политологически корректным. Нельзя не отметить, что именно элита 1990-1991 гг. по многим параметрам нашего анализа выбивается из общей вполне стройной функциональной канвы эволюции политической элиты Башкортостана с 1986 г. по 1999 г., что, впрочем, вполне объясняется специфическим характером этого периода.

Кратко охарактеризовав предметное значение нашего исследования, определим его структурную конфигурацию. В литературе о современной отечественной региональной политической элите выделяются ее различные структурные группы, сегментируемые в первую очередь на основе наличия связей с предшествующей номенклатурной элитой либо других комплексных индикаторов, в которых присутствие названного показателя обязательно. Например, И.Куколев и Т.Рыскова подразделяют ныне властвующую региональную элиту на следующие сегменты: «прагматики», «хозяйственники», «партфункционеры», «администраторы», «преподаватели», «комсомольцы»². Анализируя региональную элиту с точки зрения развития политической карьеры, пермский элитолог В.Мохов определяет пять ее основных типов: «новички», «новобранцы власти», «новобранцы элиты», «ветераны власти», «ветераны элиты»³. Нам представляется, что исследование эволюции политической элиты российских республик наиболее продуктивно с позиций *статусно-функционального подхода*. В этом случае на первый план выходят прежде всего место в сложно иерархизи-

---

¹ Подобное «двойное двоевластие» главным образом благодаря политической харизме тогдашнего председателя Совета министров М.Миргазиева просуществовало в Башкирии несколько дольше, чем в других регионах России, до осени 1992 г., но завершилось громкой отставкой последнего и узурпацией полномочий исполнительной власти Президиумом Верховного Совета РБ, в полном соответствии со схемой, описанной В.Гельманом в отношении российских регионов в целом. См.: Гельман В. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. № 3.

² Основы политической социологии. С. 168-169.

³ Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.): Автореф. дисс.... докт. ист. наук. М., 1998. С. 38.

рованной системе власти, набор имеющихся властных полномочий и другие политически объективно детерминируемые факторы, а не второстепенные признаки (возраст, номенклатурное прошлое, групповое сознание и т.д.).

Выделение в политической элите Башкортостана на всех хронологических рубежах исследования трех аналогичных сегментных групп позволяет, наряду с анализом эволюции элиты в целом, проследить развитие внутриэлитных отношений и преемственность тех или иных групповых характеристик на различных этапах. Наше исследование основывается, таким образом, на анализе трех ведущих внутриэлитных группировок (таблица 1). К первой относится *высшая политическая элита* республики, неподконтрольная другим группам, обладающая основным объемом прав и полномочий и формирующая кадровый состав элиты. К следующей группе мы относим политическую элиту «второго» уровня, занимающую подчиненное положение по отношению к высшей, но осуществляющую главные направления политики в рамках ведомственного подчинения на всей территории республики. Это во всех четырех случаях руководители и члены правительства Башкортостана. Наконец, к третьей группе республиканской элиты относится так называемая *территориальная*, находящаяся в прямом подчинении у высшей и в определенной зависимости от «второй» группировок и представленная первыми руководителями городов и районов.

В целом выборочная совокупность исследования составила 506 единиц анализа, приблизительно пропорционально распределенных по основным хронологическим этапам. Анализировались полные биографические данные включенных в предмет исследования представителей политической элиты Башкортостана в двух аспектах. Во-первых, подробно изучалась личная и политическая биография каждого в отдельности. Во-вторых, на основе сопоставления этапов жизненного пути анализировались закономерности и особенности эволюции элиты в целом и ее отдельных группировок.

Таблица 1

**Внутриэлитные группировки политической элиты
Башкортостана в 1986-1999 гг.**

Типы группировок	1986 г.	1990-1991 гг.	1995 г.	1999 г.
Высшая	Секретари и заведующие отделами Обкома КПСС (25 чел.)	Президиум Верховного Совета БССР (14 чел.)	Первые руководители администрации Президента и Госсобрания - Курултая РБ (15 чел.)	Первые руководители администрации Президента и Госсобрания - Курултая РБ (22 чел.)
Правительственная	Совет министров и высшие руководители Верховного Совета БАССР (23 чел.)	Совет министров БССР (33 чел.)	Кабинет министров РБ (34 чел.)	Кабинет министров РБ (27 чел.)
Территориальная	Первые секретари горкомов и райкомов КПСС (70 чел.)	Первые секретари райкомов КПСС и Председатели горрайсоветов, избранные депутатами Верховного Совета БССР (95 чел.)	Главы администраций городов и районов (75 чел.)	Главы администраций городов и районов (73 чел.)
Итого:	118 чел.	142 чел.	124 чел.	122 чел.

Определение хронологических рамок нашего исследования основано на том, что в 1986 г., накануне XXVII съезда КПСС политическая элита Башкортостана представляла собой пример классической российской региональной партхознаменклатурной элиты эпохи расцвета со всеми присущими ей атрибутами. Этап развития в 1990-1991 гг. можно характеризовать как «романтический», озаглавленный реализацией демократизированной избирательной системы и коротким процессом общей антикоммунистической демократизации в стране.

Выбор следующего хронологического рубежа (1995 г.) определяется тем, что в марте этого года состоялись выборы высшего представительного органа государственной власти в Башкортостане согласно новой Конституции 1993 г., и тем самым было на законодательно-правовом уровне завершено формирование сложившейся к этому времени элиты «суверенной государственности». Избрание руководителя исполнительной власти – Президента РБ состоялось еще в 1993 г.

Наконец, к 1999 г. развитие политической элиты Башкортостана стабилизировалось в рамках сложившегося авторитарно-номенклатурного согласия. Сама политическая жизнь, особенно после успешно проведенной летом 1998 г. операции по нейтрализации попытки альтернативных кандидатов выдвинуться кандидатами на президентский пост, вошла в спокойное русло. Выборы нового состава парламента в марте 1999 г. поэтому прошли без каких-либо эксцессов, в полном соответствии со сценарием высшей элиты.

Специфика источниковой базы

Изучение эволюции кадрового состава правящей региональной политической элиты вообще и Республики Башкортостан в частности является особой источниковой проблемой. Во-первых, в РБ в отличие от России и других, в том числе соседних, республик и областей до сих пор отсутствует достаточно полное издание биографий представителей даже современной элиты. Справочник, изданный в 1995 г. для широкого пользования («Кто есть кто в РБ»), отличается отрывочными биографическими данными и отсутствием информации о многих государственных деятелях республики. Не восполняют пробела и подготовленные торгово-промышленной палатой РБ более полные информационно-справочные издания «Республика Башкортостан. Кто есть кто» (Уфа, 1999, 2001). Достаточно закрытой для широкой публики остается информация о национальной принадлежности политической элиты Башкортостана. Ни в упомянутых сборниках, ни в официальных сообщениях она не содержится. Подобное положение приводит к разным информационным казусам, когда, например, руководители Башкортостана в период предвыборных кампаний в пылу полемики со своими критиками на страницах всероссийской печати приводят данные о национальном составе руководства, противоречащие тем, что имеются в кадровой службе администрации Президента¹. Для получения достоверной информации приходилось обращаться к труднодоступным малотиражным изданиям для служебного пользования, которые рассредоточены в текущих архивах соответствующих ведомств. При исследовании постсоветской элиты республики широко использовались публикации для внутреннего пользования и архи-

¹ См. интервью М.Г.Рахимова корреспондентам газеты «АиФ» В.Бояркиной и В.Николаеву «Живу не в роскоши», где приводятся данные о том, что русские составляют в правительстве РБ 36,4 %, среди глав администраций – 39,4 %, а татары – соответственно 28,6 % и 42,9 % (Аргументы и факты. 1998. № 24). Согласно этнотатистике кадровой службы администрации Президента в правительстве РБ русских – 14,7%, татар – 26,5%, башкир – 36%, а среди глав администраций русских – 16%, татар – 28% и башкир – 48%.

вные данные парламента РБ, а также архивные материалы Центризбиркома Башкортостана. Информация, содержащаяся в этих источниках, в силу ее предвыборного характера довольно полная.

Во-вторых, несмотря на снятие грифа секретности со многих бывших партийных (КПСС) архивов, доступ к информации о персоналиях политической элиты позднесоветского времени (1986-1991 гг.) остается очень затрудненным. Пришлось обратиться к предсъездовским кадровым документам, материалам мандатных комиссий областных партконференций, иногда использовались учетные карточки членов КПСС. Введенный недавно запрет на доступ к личным делам ныне здравствующих представителей политической элиты 1986 г. был почти полностью компенсирован благодаря изучению хранящихся в историческом архиве республики предвыборных агитационных публикаций для законодательных органов различных периодов.

В ходе исследования широко использовались результаты проведенных при нашем участии опросов *этнополитической элиты* республики в 1993 г. и 1996 г.¹, а также итоги социологических опросов *административной элиты* (зам. глав администраций городов и районов), проводимых в форме мониторинга в 1996-1999 гг. в Башкирской Академии государственной службы и управления при Президенте РБ.

Эволюция демографического и социального состава республиканской элиты

Своего рода базовыми, характеризующими эволюцию социального состава политической элиты РБ выступают три группы факторов. К первой относятся такие демографические показатели, как возраст и пол. От того, в каких исторических условиях происходила социализация элиты, во многом зависит ее индивидуализированное и коллективное политическое сознание, традиции и практика политической карьеры. Возраст в конце концов определяет физическую способность элиты руководить обществом. Ко второй группе, также в значительной степени демографической, необходимо отнести миграционное происхождение представителей элиты в двух основных аспектах. Решающую роль в формировании политического облика элиты традиционно играет ее происхождение (городское или сельское). В условиях практического завершения этапа интенсивной урбанизации республики к началу 90-х годов сельско-городские особенности рождения элиты приобретают уже совершенно иной, чем прежде, смысл. Социальная психология, выработанная у представителей элиты в условиях «деревенского» либо «урбанизированного» социального окружения, во многом определяет тип их поведения и коммуникаций. С другой стороны, именно в национальных республиках России (в Башкортостане в том числе) решающую роль в горизонтальной «циркуляции» (В.Парето) играет автохтонность происхождения политической элиты. «Варяги» становятся не только «делегатами» федеральной или другой региональной элиты, но и в большинстве случаев этническими «пришельцами», внося порой существенные поправки во внутриэтническую статистику элиты.

Наконец, к третьей группе факторов относятся собственно социальные показатели эволюции республиканской элиты, а именно социальное происхождение (которое в рамках исследуемого нами периода уже не имеет большого значения), образовательный уровень и его «отраслевые» характеристики, особенности начала трудовой деятельнос-

---

¹ О методике и выборке данных экспертных опросов более подробно см.: Сафин Ф.Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана. М.: ЦИМО, 1997. С. 24-30.

ти и т.д. Такой важный для национальных республик России и сложный аспект социальной динамики элиты, как этнический, представляет собой отдельную, многоплановую проблему и будет рассмотрен нами специально.

Простое сравнение основных возрастных групп политической элиты республики в исследуемый период показывает, что вплоть до 1995 г. элита постоянно «молодела», возрастала доля 40-50-летних (1986 г. – 38%; 1990-1991 гг. – 57,4%; 1995 г. – 59,7%). Соответственно, снижалась роль представителей более старших возрастов при том, что поколение самых молодых (30-40 лет) держалось приблизительно на одном уровне – 8-12% (приложение 1). Однако уже к 1999 г. началось масштабное старение элиты, существенно выросла доля политиков старше 50 лет (45,9%). В то же время нельзя не отметить, что характерная для советской эпохи значительная составляющая элиты – представители «сверхпенсионного» возраста (12, 7%) к 1990 г. вообще исчезла, а в 1995 г. и 1999 г. стабилизировалась на уровне 4%. В целом к 1999 г. основные пропорции ведущих «элитных» возрастов (41-50 лет и 51-60 лет), за исключением «пенсioneров», пришли к состоянию 1986 г., то есть времени существования классической партономенклатурной элиты, что говорит о развитии стабилизационных процессов. Разница лишь в том, что если в 1986 г. в политической элите преобладала генерация, которой пришлось пережить Великую Отечественную войну, то в 1999 г. основной возрастной костяк политической элиты составило поколение, родившееся в послевоенное десятилетие, которое называют «шестидесятниками».

Более ясную картину эволюции возрастных характеристик политической элиты Башкортостана позволяет получить сопоставление ее структурных группировок. Например, появление в сегодняшней «высшей» правящей элите довольно мощного слоя работников старше 60 лет (22,7%) напоминает ситуацию 1986 г., когда в руководстве Башкирского обкома КПСС «пенсioneеры» составляли 28%. В то же время в период своеобразного всплеска общественно-политического развития на основе общей демократизации и «ранней суверенизации» в 1990-1991 гг. в среде «высшей» политической элиты даже группа 51-60-летних составляла наименьший процент (14,3) по сравнению с другими группами («вторые» – 48,5%, «территориальщики» – 26,3%), а деятели старше 60 лет отсутствовали во всех трех структурных подгруппах. Подобное положение говорит о том, что современная элита республики постепенно «закрывается» для представителей молодых поколений, все больше возвращаясь к старым номенклатурным традициям в подборе и расстановке кадров. Сравнение данных, имеющихся по структурным группам уже 1995 и 1999 гг., показывает, что старение кадрового корпуса происходит в направлении «второй уровень» – «территориальная группа» – «высшая элита». Причем от 1995 г. к 1999 г. эта тенденция заметно усиливается. Это с неизбежностью создает целый ряд диспропорций, нарушая естественную преемственность поколений политической элиты и увеличивая возрастной разрыв между представителями различных уровней власти.

Синхронный сравнительный анализ политической элиты Башкортостана и других российских регионов, сложившейся к середине 90-х годов, то есть ко времени, когда она почти полностью предметно и структурно сформировалась, показывает, как ни странно, практически полную идентичность ее возрастных характеристик (таблица 2). Подобное на первый взгляд парадоксальное статистическое сочетание, зафиксированное в таких совершенно различных регионах, как Башкортостан, Татарстан и Ростовская область, говорит скорее об однонаправленности эволюции региональной политической элиты в России.

Таблица 2

Возрастное распределение политической элиты Башкортостана, Татарстана и Ростовской области к середине 90-х годов, %

Регион	Возраст представителей элиты			
	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	свыше 60 лет
Республика Башкортостан (1995 г.)	8,06	59,67	28,22	4,03
Республика Татарстан (1996 г.)	10,8	53,9	32,4	2,9
Ростовская область (1994 г.)	10,6	61,17	24,5	3,2

Примечание. Составлено и рассчитано нами по: Кто есть кто в Республике Башкортостан. Уфа, 1995; Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Ростов на Дону, 1998. С. 109; Зазнаев О. Республика Татарстан // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1997. № 2. С. 71.

Половой состав политической элиты Башкортостана как в диахронном значении, так и синхронно отличается еще большим доминированием мужчин над «слабой половиной человечества», чем в федеральной и другой региональной элите. Причем если в 1986 г. женщины были в числе руководителей республиканских территорий (1,42%), а в группе элиты «второго уровня» составляли даже 13,1% при полном отсутствии среди «высшей элиты», то к 1995-1999 гг. они исчезли из кадрового состава глав администраций и стабилизировались в составе правительства республики (7-9%) и политической элиты «первого уровня» (4,5-5%). Прежде всего это связано с тем, что они стали уже традиционно занимать должности министров народного образования, социального обеспечения, печати и председателей некоторых постоянных комитетов Законодательной палаты Государственного Собрания – Курултая РБ.

Таким образом, как и в советские времена, находясь целиком на второстепенных позициях, женщины составляют определенную долю в формальной и практически отсутствуют в реальной политической элите Республики Башкортостан. Причем если в советскую эпоху непрерывное возрастание роли женщины в общественно-политической жизни хотя бы декларировалось и обеспечивалось номенклатурно (из трех секретарей РК КПСС их доля составляла 40-50%), то в постсоветский период «женская составляющая» политики в элите перестала обсуждаться даже идеологически и практически исчезла даже в группе административной территориальной элиты (зам. глав администраций городов и районов практически все мужчины).

Возвращаясь по некоторым вопросам кадровой политики к старым номенклатурным традициям и даже усиливая их (например, в этническом аспекте), современная политическая элита республики в отношении женщин отказалась от этих традиций. Женщины в системе специфических элитных должностей стали выполнять скорее представительную, чем реальную властную функцию. Их контингент сформирован в большей степени искусственно, а не в результате естественной политической карьеры, то есть женщины входят сейчас в республиканскую элиту лишь в той степени, в какой их туда пускает «высшая» группа политической элиты Башкортостана. Это, на наш взгляд, является еще одним красочным подтверждением возвращения к жестко номенклатурным принципам рекрутирования элиты.

Важное значение для характеристики эволюции политической элиты Башкортостана имеет ее происхождение. Причем для элиты российских республик этот аспект, как уже отмечалось, играет особую роль. Анализ показывает, что автохтонность политической элиты республики постепенно, но неуклонно возрастает: если в 1986 г. родившиеся в РБ составляли 83%, то к 1995 г. их доля достигла 91,9% и приблизительно на этом уровне стабилизировалась к 1999 г. Причем роль представителей местной эли-

ты, родившихся за пределами республики, но проходивших здесь процесс социализации, по сравнению с мигрировавшими сюда уже сложившимися политическими деятелями существенно возрастает. Наиболее заметно уменьшение доли «варягов» в ходе новейшей эволюции в группе «высшей» политической элиты Башкортостана. Если в 1986 г. среди секретарей и заведующих отделами Башобкома КПСС доля «мигрантов» составляла 32%, в 1990-1991 гг. среди «высшей» элиты она была чуть более 21,4%, то уже в 1995 г. лишь 13,3% из данной подгруппы республиканской элиты родились вне пределов Башкортостана. К 1999 г. их доля несколько возросла (22,7%), однако это произошло в основном за счет родившихся за пределами республики, но прошедших в ней политическую социализацию руководителей. Эта ситуация вызвана прежде всего тем, что характерная для советской эпохи традиция постоянной ротации партруководителей областного уровня в пределах страны на современном этапе безвозвратно ушла в прошлое. Суверенизация, таким образом, как особый социально-политический феномен закрыла доступ в местную элиту политическим деятелям, родившимся в соседних территориях и федеральном центре.

Вполне закономерно, что в республиканской элите «территориального» уровня доля местных уроженцев, всегда традиционно очень высокая, в течение исследуемого периода возросла, достигнув максимума к 1999 г. (см. приложение 1). Относительной стабильностью отличается лишь автохтонность состава правительства Башкортостана с 1986 г. по 1999 г., к 1999 г. она даже уменьшилась на порядок. Это представляется естественным для элиты, на формирование которой наибольшее влияние оказывает фактор профессиональной компетентности. Резко сокращается в постсоветский период и ротация субрегиональной элиты Башкортостана в пределах республики, особенно из окружения глав администраций, хотя среди первых руководителей она сохраняется в значительном объеме.

Традиционным не только для элиты российских республик, но и для другой региональной политической элиты¹, несмотря на довольно высокий уровень урбанизации в стране, остается ее преимущественно деревенское происхождение. Этот вывод в полной мере относится к политической элите Башкортостана. Несомненно, этот фактор развития руководства республики трудно переоценить прежде всего в связи с тем, что становление большей части элиты происходит в особенных условиях «сельско-соседско-родственной» коммуникации, а это прививает современным руководителям стереотипы мышления, сохраняющие свое влияние до конца жизни. Даже продолжительная социализация в условиях города уже во взрослом состоянии, как показывают многочисленные, в том числе наши² социологические исследования, не меняет традиционный деревенский менталитет и стиль поведения мигрантов. К политической элите Башкортостана применимы выводы казанского политолога М.Фарукушина, сделанные относительно татарстанской элиты: «Специфическая деревенская культура, привнесенная значительной частью правящей элиты во властеотношения, включает в себя традиционные нормы чинопочитания, внутреннего неприятия оппозиции и инокомыслия, благоволения выходцам из собственной среды, еще больше – землякам, подозрительности к «чужакам», особенно из городских и образованных слоев, представление о собственной непогрешимости, самолюбование и т.д. По сути своей эта культура имеет антидемократическую окраску»³.

---

¹ Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.). Пермь, 1998. С. 146-151.

² О закономерностях «городской» социализации сельских мигрантов в Башкортостане более подробно см.: Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа, 1996.

³ Фарукушин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 70.

Анализ динамики происхождения политической элиты Башкортостана показывает, что несмотря на подавляющее преобладание уроженцев села их роль постепенно снижается и медленно, но неуклонно (за исключением «провала» 1995 г.) возрастает доля горожан (см. приложение 1). К 1999 г. соотношение родившихся в городе и на селе в политической элите республики составляет уже 18 к 81%. В то же время по степени влияния «горожан» в политической элите Башкортостан существенно отстает не только от соседних областей, где выходцы из города уже к рубежу 90-х годов перевалили за 50%-ную отметку¹, но и от пограничных республик, например Татарстана, в котором соотношение «сельской» и «городской» составляющих элиты фиксируется на уровне 69,6 и 30,4% соответственно². Таким образом, политическая элита Башкортостана относится к сильно *рустикафицированной* региональной политической элите России со всеми вытекающими для ее внутреннего развития последствиями. Это имеет очень большое значение, например, для эволюции этнополитической элиты. Как подчеркивают в некоторых новейших исследованиях специалисты-этологи, титульная для Башкортостана «...башкирская элита строится преимущественно по социальному принципу: ее основу составляют функционеры – выдвиненцы из сельской местности. Главная цель башкирской политической элиты – достижение власти путем всесторонней мобилизации этничности среды башкирского населения. При этом попутно ею решается и другая задача – максимальное продвижение своих членов по ступеням государственной иерархии, получение рабочих мест с наибольшим полезным эффектом. Результатом этой деятельности является осязаемый рост в последние годы доли башкир в аппарате министерств республики»³.

Безусловно, «сельско-городской» состав современной политической элиты не может адекватно отразить урбанизационное состояние общества. Необходима корректировка анализа на тот исторический период, когда родились те или иные представители современной политической элиты. Не могла, например, генерация современного старшего (свыше 50 лет) поколения политической элиты Башкортостана в преобладающей своей части родиться в городе, если уровень городского населения в республике составлял в 1926 г. – 9%, в 1939 г. – 17,1%, а в 1959 г. – 38,8%⁴. Однако и с учетом данного обстоятельства, что особенно заметно на примере современной элиты, значение поколения руководителей – выходцев из городов существенно отстает от объективных урбанизационных процессов в республике, что позволяет сделать вывод о почти полном сосредоточении общереспубликанской и особенно местной власти даже в таком промышленно развитом регионе России, как Башкортостан, в руках бывших крестьян.

Анализ внутривидовых группировок политической элиты Башкортостана с точки зрения «сельско-городского» происхождения показывает разновекторность динамики их развития. Парадоксальным, например, выглядит тот факт, что высшая политическая элита Башкортостана от рубежа к рубежу и притом существенно увеличивает свое сельское по происхождению содержание, соответственно, падает роль выходцев из города: если в 1986 г. «горожан» было 32%, то к 1995 г. их осталось только 13,3%. Элита «второго уровня» и особенно территориальная, которую вполне закономерно составляют в основном выходцы из деревни, в сельско-городской динамике показывает развитие колебательного типа (см. приложение 1). Если принять во внимание, что ключевой в смысле властеотношений является именно высшая группировка политической элиты, то нетрудно предугадать политические последствия такой «рурализации».

¹ Мохов В.П. Указ. соч. С. 149.

² Зазнаев О. Указ. соч. С. 71.

³ Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998. С. 60.

⁴ Население Башкирии по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1990. С. 10-15.

Одним из основных факторов, влияющих на формирование политической элиты, является ее образование. Причем если уровень образования в современных условиях перестает иметь такое большое значение, как в предыдущие периоды истории страны, в связи с тем, что к концу советской эпохи высшее образование для региональной элиты становится практически правилом и не является уже своеобразным приложением к должности, то отраслевые характеристики образования, определяющие профессиональные навыки и компетенцию республиканского руководства, выдвигаются на первый план. Однако и в этом случае проблема уровня образования продолжает сохранять свое значение в двух основных аспектах. Во-первых, естественно, что основное высшее образование современных руководителей, полученное еще в молодости, до вхождения в правящий класс, в абсолютном большинстве случаев не соответствует нынешним «штатным обязанностям» политической элиты. Поэтому рано или поздно неизбежно возникает проблема получения второго, специализированного высшего образования, выполняющего, кстати, почти такую же роль в становлении современной элиты, как высшее образование для региональных руководителей 50-70-х годов, – приложения к должности. В позднесоветское время представители элиты получали образование менеджеров в хорошо отлаженный и многоступенчатой системе партийного образования. Не случайно согласно официальной партийной статистике доля функционеров, получивших второе, партийно-идеологическое по своей сути образование, неуклонно росла и к 1986 г. среди секретарей горкомов и райкомов КПСС составляла в Башкортостане уже 43,3%¹. До середины 90-х годов названная образовательная система бездействовала и лишь в последние годы началось ее бурное возрождение, теперь на базе Академии государственной службы и управления при Президенте РБ.

Во-вторых, причиной актуализации проблемы образовательного уровня современной политической элиты стало то, что появившееся в 80-е годы среди партийно-советской элиты поветрие защищать кандидатские диссертации к 90-м годам превратилось в новономенклатурную традицию. Причем основная масса диссертаций защищается теперь не в специализированных учебных заведениях (АОН ЦК КПСС), а в самых разных, в том числе негуманитарных. Представители сегодняшней политической элиты республики стремятся получить ученую степень в любой сфере знаний, эта задача постепенно превращается в самоцель. Несмотря на это доля «остепененных» деятелей республиканской элиты остается небольшой и во внутривидовом смысле, и по сравнению с другой, особенно федеральной, элитой. В 1986 г. ученую степень имели 10,2%, в 1995 г. – 11,3%, а в 1999 г. – 12,3% республиканской элиты. Период 1990-1991 гг. в этом смысле выпал из общей закономерности в основном из-за статистических погрешностей (большая выборка), хотя в количественном отношении данные по этому периоду вполне сопоставимы с другими.

При изучении внутривидового содержания «остепененности» элиты РБ заметно, что наибольшим «научным потенциалом» всегда обладала высшая категория республиканского руководства: уже в 1986 г. 20% ее состава имело ученые степени, а к 1995 г. – 46,6%. Профессионалы группы «второго» уровня должны были иметь высокую квалификацию в подведомственных им отраслях. Поэтому среди представителей данной группы также достаточно большой процент имеющих ученые степени (приложение 2). Наконец, наименьшая доля руководителей-«ученых» – среди «территориалов». Все они, за исключением одного, кандидаты сельскохозяйственных наук.

Доминантным показателем современной эволюции региональной политической элиты является отраслевая направленность ее образования. Определяя профессиональ-

---

¹ Рассчитано нами по: Башкирская областная организация КПСС в цифрах (1917-1987 гг.). Уфа, 1987. С. 288.

ные характеристики элиты на этапе получения образования, данный фактор во многом создает ее технократический потенциал. И даже если в дальнейшем, в ходе номенклатурной карьеры знания специалиста в той или иной сфере, как правило, остаются невостребованными, образовательный фундамент во многом определяет стиль и способ руководства, практикуемый разными представителями политической элиты. Технократизм мышления региональной элиты поэтому задается не только индустриальной направленностью ее работы, но и в значительной мере первыми системными профессиональными знаниями, полученными обычно в вузе на начальном этапе биографии. В данном смысле политическая элита Башкортостана на всем протяжении своей «революционной перестройки» (1986-1999 гг.) оставалась в преобладающей части технократизированной: если в 1986 г. доля специалистов с высшим сельскохозяйственным и промышленно-инженерным образованием составляла в ней 80,4%, то к 1995 г. она понизилась лишь до 75,4%. Причем традиционно для российских республик «аграрники» с агрономическим, ветеринарным и зоотехническим образованием, за исключением 1995 г., количественно преобладали над «городскими» инженерами. В 1986 г. их было 44%, в 1990-1991 гг. – 47,9%, в 1995 г. – 35,5%, а в 1999 г. – 41,8%. Вместе с тем анализ динамических показателей позволяет уловить определенную тенденцию к повышению гуманитарной направленности образования современной политической элиты Башкортостана. Особенно это заметно при сопоставлении ее структурных компонентов. Так, если в высшей категории политической элиты РБ в партхозноменклатурный период доля гуманитариев составляла 28%, то к 1999 г. она достигла 54,5% при том, что «нетехнологи» всегда являлись существенной частью данной группы республиканской элиты. Вполне закономерно и то, что среди руководителей первого уровня наиболее динамично увеличивается число получивших высшее юридическое образование: с 1 человека в 1986 г. (4%) до 7 человек в 1999 г. (31,8%). Среди других структурных групп рост гуманитарной направленности образования (почти в два раза) при отсутствии юристов наблюдается у территориальной республиканской элиты (приложение 2). Только среди работников республиканских правительств гуманитарная интеллигенция всегда довлела над технологической. Причем среди «технократов» в этой группе, видимо, в силу специфики их профессиональной деятельности количество работников с политехническим образованием, вполне сопоставимое с «аграриями» в 1986 г., в постсоветский период стало кратно превосходить последних. Эти кадровые изменения очень ярко характеризуют новейшую эволюцию исполнительной власти в республике: ее индустриальный технократизм и гуманитарная направленность неизбежно возрастают.

Конечно, технологический характер образования республиканской политической элиты является не единственным и не главным препятствием на пути ее новейшей эволюции. Германский исследователь советской политической элиты Е.Шнайдер справедливо отмечает: «Инженерное образование обучает мышлению в категориях технического решения проблем. Из инженеров техники можно легко стать инженерами власти»¹. Однако необходимость перехода к правовому государству и организации гражданского общества неизбежно требует от региональной политической элиты возрастания роли экономистов, юристов и социальных менеджеров, процент которых в башкортостанской элите, к сожалению, на порядок отстает от федеральных показателей².

¹ Schneider E. Kaderpolitik in der sowjetischen Führung. Eine sozialstatistische Untersuchung des Elitenwechsels von Breschnew zu Gorbatschow // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1989. № 44. S. 19. Цит. по: Мохов В.П. Указ. соч. С. 169.

² См., напр.: Основы политической социологии. С. 169.

Динамика рекрутации политической элиты в РБ

Фактором, в значительной степени определяющим современный облик и перспективные тенденции развития политической элиты, является, как известно, системная группа характеристик, связанная с рекрутированием. В нее входят самые разные политологические индикаторы: и номенклатурное прошлое, и источники пополнения, и принципы отбора нынешней политической элиты. «Важнейшие моменты в процессе рекрутирования политической элиты – это широта ее социальной базы; компетентность круга лиц, осуществляющих отбор элиты; наконец, механизм этого отбора»¹. Поэтому фактор рекрутирования составляет в исследуемой нами теме едва ли не самую обширную по объему аналитическую проблему. Исходя из этого мы ограничимся лишь анализом синхронных и динамических характеристик некоторых особенностей номенклатурной карьеры, начала трудовой и политической деятельности, а также вхождения политической элиты Башкортостана во власть.

Важным показателем элитогенеза является характер и время начала трудовой деятельности представителей политической элиты. В условиях советской партийно-пропагандистской системы, как известно, именно тезис о трудовом, рабоче-крестьянском происхождении руководителей считался базисной идеологемой господствующей мифологии в области кадровой политики. Даже если тот или иной представитель элиты был выходцем из семьи служащих, обязательным элементом его биографии должен был являться «рабоче-крестьянский» период. Таким образом подчеркивался «подлинно народный» характер политики, проводимой КПСС.

В современных условиях, несмотря на то, что социально-профессиональное происхождение потеряло былое значение, начало трудовой деятельности продолжает играть прежде всего идеологическую роль, обосновывая широту социальной базы элиты. Анализ динамики данного индикатора в Башкортостане в период перехода от советского к постсоветскому развитию показывает тенденцию к уменьшению роли руководителей, приступивших к трудовой деятельности в качестве рабочих, и увеличению роли руководителей, начавших трудовую деятельность в качестве инженерно-технических работников. Еще в 1986 г. большинство представителей элиты – 52,5% – начинали свою трудовую деятельность в качестве инженеров, а к 1999 г. эта цифра достигла 61,5%. Причем наибольшую эволюцию в этом смысле совершили руководители республиканских территорий: если в 1986 г. 54,3% первых секретарей КПСС начинали трудовую деятельность в качестве колхозников и рабочих совхозов, то к 1999 г. среди глав администраций городов и районов таковых осталось только 36,9%, а остальные начали профессиональную карьеру главными специалистами сельхозпредприятий и инженерами на заводах. В правительственной элите доля выходцев из рабочих практически осталась постоянной (39-44%). «Рабочий компонент» в высшей элите Башкортостана, в советское время наименьший по сравнению с другими группами (36%), как это ни парадоксально, в постсоветский период даже вырос (в 1999 г. – 40,9%).

Важнейшим фактором и одновременно показателем номенклатурной карьеры политической элиты выступает начало политической деятельности. Этот момент в жизни каждого человека выступает в роли биографического рубикона, когда решается его дальнейшая судьба: или он остается представителем «широких слоев» населения, или начал путь в «касту избранных». В то же время именно с началом политической деятельности акторы элиты проявляют инициативу на низших ступенях административно-

---

¹ Кодин М.И. Современный политический процесс в России: общественно-политические объединения и политическая элита. М., 1997. С. 69.

номенклатурной работы, формируют корпоративные связи внутри поколения, начинают входить в группировки клиентлистского типа. Во многом от того, с какой ступеньки началась политическая деятельность представителя элиты, зависят темпы и номенклатурно-структурная направленность его будущей карьеры, возможность занять высокий пост в руководстве.

Синхронный анализ вступления в политическую должность представителей элиты Башкортостана периода начала перестройки показывает, что подавляющая их часть начала карьеру в партийных и комсомольских органах: 21,9% – сразу же инструкторами обкома КПСС, 32,9% – в районных и городских комитетах партии и 34,2% – освобожденными работниками ВЛКСМ. В 1986 г. лишь 6,8% представителей элиты начали свою политическую деятельность в органах советской власти: 2,7% – в аппарате министров и 1,3% – в районных народных судах. В структурном плане в элите образца 1986 г. наибольший процент начавших работу в обкоме КПСС (47%) и в комсомоле (47%) – среди представителей высшей группировки власти при 6% «мобилизованных» поначалу в райкомы партии и полном отсутствии других категорий «призывников». В правительственной элите безраздельно лидировали бывшие комсомольцы (42,9%), затем шли работники райкомов (28,5%), аппаратов министров (14,2%) и выходцы из обкома КПСС (7,1%). Более пропорционально распределялись виды «трамплинов» для будущей политической карьеры у территориальных лидеров республики: 45,2% из них пришли на свою первую политическую работу в райком КПСС, 26,2% – в комсомольские органы, 16,7% – в обком партии и 11,9% – в структуры советской власти. Таким образом, роль наиболее быстрого лифта на самые «высокие этажи» политического олимпа в советскую эпоху в Башкортостане выполняли комсомольская работа и работа в аппарате Обкома КПСС. Даже низших уровней политической карьеры можно было достичь намного легче, поработав сначала в центральных структурах партийной власти и молодежной организации и продемонстрировав тем самым высшей группировке свою лояльность и организационно-политические качества. Актеры, начавшие свою политическую деятельность в райкомах КПСС или территориальных советских органах, надолго, а чаще всего навсегда застревают на этом уровне власти и поднимались в лучшем случае до правительственной элиты. В правительственную группу легче всего можно было попасть через комсомол или аппарат министерств.

Таблица 3

Динамика фактора «начало политической деятельности» структурных групп правящей элиты Башкортостана (1990-1999 гг.), %

Место начала политической деятельности	1990-1991 гг.				1995 г.				1999 г.			
	Структурные элементы политической элиты								все-го	все-го	все-го	все-го
	выс-шая	пра-вит.	тер-рит.	все-го	выс-шая	пра-вит.	тер-рит.	все-го				
Обком КПСС	14,3	9,1	5,3	7	13,3	5,8	1,3	4,03	—	7,4	—	1,6
Гор/райком КПСС	28,6	18,2	51,6	41,5	13,3	20,5	3,2	26,6	36,4	25,9	34,2	32,8
Советская власть	7,1	12,1	29,5	23,2	6,6	8,8	29,3	21	13,6	3,7	17,8	13,9
комсомол	7,1	24,2	12,6	14,8	20	8,8	17,3	15,3	13,6	1,1	8,2	9,8
министерства	7,1	36,4	1,05	9,9	20	55,8	1,3	18,5	13,6	48,1	1,4	13,9
парламент	35,7	—	—	3,5	26,6	—	—	3,2	18,2	—	—	3,3
районные администрации	—	—	—	—	—	—	14,6	8,9	—	—	38,3	22,8
другие	—	—	—	—	—	—	4	2,4	4,5	3,7	—	0,8

Исследование динамики фактора «начало политической деятельности» у правящей элиты Башкортостана в позднесоветское и постсоветское время (1990-1999 гг.) показывает наличие двух основных тенденций: во-первых, падение значения традиционного советского партийно-номенклатурного пути вступления в политику для карьеры современного руководства; во-вторых, расширение «веера» способов начала политической карьеры (таблица 3). Увеличилась, например, возможность «вхождения во власть» через аппарат министерств, работу в администрациях. Появилась, но постепенно стала угасать, перспектива войти в правящие группы посредством участия в выборах в парламент. Так, если в 1990 г. доля тех, кто вошел в высшую политическую элиту Башкортостана подобным истинно демократическим образом, составляла 35,7%, то в 1995 г. она сократилась до 26,6%, а к 1999 г. – до 18,2%.

К интересным результатам приводит синхронный и диахронный анализ возрастных характеристик политической элиты Башкортостана в момент начала политической деятельности и вступления в руководящую должность. Возраст, как известно, во многом определяет перспективы будущей карьеры, возможность маневра в различных структурах власти. В элитологической литературе, касающейся проблемы возраста вступления на первую «политическую ступеньку», приводятся различные данные. Например, украинский исследователь В.Фесенко считает, что «...в послевоенном Советском Союзе сложилась достаточно стабильная и типичная модель административной карьеры, начальный период которой приходился на возраст от 22-25 лет до примерно 35 лет»¹. Принимая во внимание, что разброс поколений республиканской элиты при вступлении в политику в изучаемый нами период довольно широкий (от 21 до 56 лет), необходимо отметить: среднестатистическое значение начала политической деятельности представителей руководства Башкортостана составляет приблизительно немногим более 30 лет (таблица 4). В целом происходит заметное «старение» представителей элиты, приступающих к политической работе. Если в 1986 г. этот возраст составлял 31,8 года, то к 1999 г. он достиг уже 40,1 лет. Наиболее сильно возраст восхождения на первую ступеньку власти увеличивается у правительственной группы и территориальных руководителей, видимо, в связи с тем, что в эти структуры в постсоветское время широкой волной хлынули люди уже сложившиеся и сделавшие свою карьеру в других сферах жизнедеятельности (директора предприятий, руководители колхозов/совхозов, вузовские работники), несколько оттеснив представителей старой партийно-советской номенклатуры.

Таблица 4

Динамика возрастных характеристик вступления в политическую деятельность и во «властное состояние» основных групп правящей элиты Башкортостана

Период	Начало политической деятельности				Вступление в элитную должность			
	группы				группы			
	высшая	правит.	террит.	всего	высшая	правит.	террит.	всего
1986 г.	32,23	30,46	32,8	31,8	44,11	43,46	40,28	42,61
1990 - 1991 гг.	35,85	35,53	34,42	35,26	42,92	45,57	42,35	43,61
1995 г.	39,46	37,94	37,12	38,17	52,46	45,85	45,05	47,78
1999 г.	37,95	44,22	38,15	40,1	51	46,96	44,93	47,63

¹ Фесенко В. Политические поколения России и Украины в посткоммунистической реальности: сравнительный анализ // На путях политической трансформации. С. 123.

Примечательно, что данные по Республике Башкортостан вполне коррелируют с таковыми по соседним регионам. Причем тенденция к постепенному повышению возраста начала работы во властных органах, как показывает исследование В.Мохова по Пермской области, наблюдалась на протяжении последнего советского тридцатилетия (1960-1990 гг.)¹.

Важнейшим этапом в политической карьере любого представителя элиты является восхождение на олимп власти. Как подчеркивает один из «аксакалов» российской элитологии Г.Ашин, исследовать процесс рекрутирования элиты – значит изучить политический процесс с точки зрения того, как люди вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие политические посты, как вырабатывают политическую идеологию, устанавливают политические контакты, как делают политическую карьеру². Именно «вхождение во власть» делает того или иного руководящего работника представителем новой социальной группы, носителем особого менталитета и методов поведения. От способов вхождения в политическую элиту во многом зависят и закрепление актора на достигнутой должности, и возможность занять верхнюю ступеньку в высшей группе, и, наконец, в случае какой-либо неудачи в ходе карьеры – перспектива хорошего перехода «по горизонтали» или на менее престижный пост власти.

Как показывает анализ динамики возрастных характеристик вхождения политической элиты Башкортостана во власть, приход в элиту происходит в среднем через 9-10 лет после начала политической деятельности (таблица 4). При этом хорошо заметны две тенденции: во-первых, по мере эволюции элиты (1986-1999 гг.) происходит сокращение времени ее социализации, от начала политической деятельности до вхождения во власть; во-вторых, во всех структурных группах элиты происходит постепенное «старение» вступающих во власть акторов. С наибольшей скоростью и более всего содержательно «постарела» политическая элита республики высшего уровня, менее всего – правительственная элита, хотя в абсолютном значении наиболее молодой по возрасту всегда оставалась группа первых руководителей республиканских территорий. По всему видно, что оптимальный для вхождения в элиту возраст у руководства Башкортостана уже преодолен и ему необходимо радикальное омоложение.

Исследование эволюции основных источников политической элиты Башкортостана в постперестроечный период демонстрирует значительное падение роли партийно-советской номенклатуры, особенно в категории высшего руководства республики (таблица 5). Резкое сокращение роли рекрутов из обкомов и райкомов КПСС связано не только с естественным исчезновением последних с политической арены, но и с тем, что в постсоветский период в качестве главного источника элиты правительственного и территориального уровней рассматриваются в основном работники аппаратов министерств и «советской власти» на местах. Именно поэтому, например, в группе первых руководителей республиканских территорий доля пришедших из «советских» органов власти только с 1986 г. по 1995 г. выросла почти в 2,9 раза. Таким образом, современная высшая политическая элита республики предпочитает отбирать в состав подчиненных ей элитических групп второго и третьего уровня не амбициозных и в недавнем прошлом равных ей представителей партийной номенклатуры, а так сказать незапятнанных руководяще-партийным прошлым работников. Этот вывод подтверждают результаты анализа отдельных биографических данных современной политической элиты Башкортостана.

¹ В. Мохов приводит следующие цифры: 1960 г. – 29,6 года; 1970 г. – 30,1 года; 1980 г. – 32 года; 1990 г. – 33 года. См.: Мохов В.П. Указ. соч. С. 187.

² Ашин Г.К. Рекрутирование элиты // Власть. 1997. № 5. С. 25.

*Динамика способов прихода во власть
политической элиты Башкортостана (1986-1999 гг.), %*

Место работы до прихода в полит. элиту	1986 г.	1990-1991 гг.	1995 г.	1999 г.
обком КПСС				
райком и горком КПСС	31,5	23,9	9,7	6,6
территориальная советская власть	9,6	26,8	32,3	18,9
комсомол	—	2,1	—	2,5
министерства	16,4	12,7	17,7	21,3
главы и заместители администраций	—	—	8	18,03
директора предприятий, руководители колхозов и совхозов	2,8	16,9	25,8	27,9
вузовские и научные работники	—	3,5	4,8	4,1

В условиях новейшего постсоветского развития (1995-1999 гг.) отбор кандидатур для назначения на посты руководителей республиканских территорий производится главным образом даже не из бывших советских работников, а из заместителей глав администраций городов и районов или не имеющих опыта партийно-советской работы директоров предприятий и председателей колхозов. В 1999 г. последние группы составляли уже 23,3% и 24,9% территориальной элиты республики соответственно (приложение 3). С 1995 г. по 1999 г. в Башкортостане из 75 глав администраций городов и районов сменилось 24, то есть почти треть состава. Из числа вновь назначенных руководителей городов и районов до этого работали директорами государственных или муниципальных предприятий и руководителями колхозов/совхозов семеро, а девять человек – на различных должностях в администрациях, в основном на уровне заместителей. В правительственной элите возросшая поначалу доля директоров (1995 г. – 23,5%) в новейший постсоветский период (1995-1999 гг.) опять начала сокращаться, многократно возросло значение выдвиженцев аппаратов министерств, в 1999 г. они составляли уже 70,3% данной группы элиты.

Практически единственный неноменклатурный источник пополнения политической элиты Башкортостана – группа вузовских и научных работников – особенно выросла в 1990-1991 гг. исключительно благодаря попаданию в высший законодательный орган в период первого опыта советской демократизированной избирательной системы. В дальнейшем данная категория интеллигенции привлекалась в основном в правительственную элиту, а сам метод привлечения вновь стал номенклатурно-аппаратным. Таким образом, короткий романтико-демократический период формирования политической элиты Башкортостана начала 90-х годов закончился. В дальнейшем рекрутирование республиканской элиты стало происходить в полном соответствии с формулой, предложенной И.Куколевым: «Восстанавливается приоритетность «профессиональной карьеры» (тип карьеры, когда происходит последовательное прохождение служебной лестницы) вместо преобладающей в переходный период «социальной карьеры» (тип карьеры, когда в процессе последовательного восхождения по социальной лестнице происходит неоднократная смена видов деятельности). *Восстановление механизма рекрутации может свидетельствовать о том, что произошла структурная перестройка и новая структура начинает защищать себя*»¹. (Выделено мной. – Р.Г.). Разница лишь в том, что изменились основные источники рекрутации формируемой посредством назначения элиты Башкортостана. Если в советскую и позднесоветскую эпоху это были работники территориальных партийных и советс-

¹ Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 7. С. 85-86.

ких органов власти, то на современном этапе это выходцы из аппаратов министерств, местных администраций и бывшие руководители государственных, муниципальных и коллективных сельскохозяйственных предприятий, не имеющие опыта партийно-советской работы.

Этнический аспект развития политической элиты в Башкортостане

Этнический аспект, как уже отмечалось, играет в процессе эволюции политической элиты российских республик особую роль. Закономерность этнизации республиканской элиты, имеющая в нашей стране устойчивые и давние традиции еще со времен осуществления национальной политики КПСС по «коренизации» руководящего аппарата, в условиях постперестроечного развития усилилась под воздействием нескольких групп факторов. Во-первых, она в значительной степени была вызвана необходимостью достижения власти путем мобилизации титульной этничности. Для идеологического обеспечения этого процесса использовались лозунги возрождения этнической культуры и языка, возвращения к народным духовным истокам, «национальное возрождение как фактор демократизации общества» и т.д.

Во-вторых, этнизация не только выступает следствием «наполнения» политической элиты «национальным содержанием», но и становится действенным способом этатизации титульной этничности. Именно поэтому во внутриэтнических пропорциях соотношение «руководящего ядра» и этноса у титульных народов в республиках на порядок выше.

Одновременно процесс этатизации титульной для республик Российской Федерации этничности выступает как бы актом компенсации за существенно ограниченную возможность вхождения в политическую элиту этнодисперсных национальных групп России, проживающих за пределами «своих» территорий. Например, в Татарстане должностные лица в качестве доводов в пользу излишне титульноориентированной кадровой политики приводят аргументы типа: «...представители нерусских народов, в том числе татары, занимающие второе место по численности населения РФ, не представлены адекватно в кадровом корпусе высших государственных служащих федеральных органов – аппарате президента РФ, правительстве, генералитете и т.п.... Интересы одной четвертой части семимиллионного татарского этноса представлены хотя бы в органах власти Татарстана, но национально-культурные запросы остальной части татар – 75% практически никак не представлены в органах власти федерального уровня. Парламент РФ не имеет эффективного механизма, процедур учета интересов меньшинств. Причем выборы в Госдуму показывают, что число нерусских депутатов сокращается. Если даже все депутаты-«националы» будут голосовать как один, то и в этом случае у них нет никаких шансов провести законопроекты, отвечающие интересам каких-либо из более чем ста народов России, или хотя бы заблокировать решение русского механического большинства»¹.

Практически аналогичную аргументацию для оправдания доминирования титульной этничности в высших эшелонах республиканской власти приводят некоторые общественные деятели и ученые Башкортостана: «В целом нерусские национальности не могут оказывать существенного влияния на процедуру принятия решений ни в Государственной Думе, ни в Совете Федерации. Если бы даже представители всех республик (всего 21 республика, включая Чечню) выступали в Совете Федерации единым фронтом, то они могли бы собирать максимум 25% всех необходимых голо-

---

¹ Абдрахманов Р., Маврина Э. Республика Татарстан: модель этнологического мониторинга. М., 1999. С. 42.

сов»¹. При этом некоторые чисто этнические свойства (например, владение языком народа и т.д.) законодательно провозглашаются в республиках как *квалификационные* признаки государственного работника высокого ранга.

В-третьих, во внутриэлитных отношениях этнизация, реализуемая способом фактического квотирования ведущих государственных должностей, становится действенным рычагом резкого сужения социальной базы оппозиции и способом отсеивания (при благих на первый взгляд намерениях) претендентов на элитные посты, реальных конкурентов. В этом случае «в круг циркуляции» попадает уже довольно узкая группа титульной политической элиты республики. На этом этапе элитный отбор не заканчивается, в дело вступают субэтнические, этноземляческие и кланово-родовые признаки. Однако если последние могут быть фактором лишь теневой кадровой политики, то официальное провозглашение этнического признака в качестве квалификационного позволяет проводить легальную этнизацию состава руководящей политической элиты. Не случайно в постперестроечное время этнизация существенно возросла даже по сравнению с периодом целенаправленно проводимой государственной политики «коренизации аппарата» в национальных республиках (20-30-е годы). В Республике Саха (Якутия), например, якуты, составляя 34% населения, имеют 69% должностей в правительственных структурах². В Татарстане по разным подсчетам от 76,5 до 78,1% представителей правящей политической элиты – татары, хотя в республике титульная нация составляет лишь 48,3%, 43,5% – русское население и 8,2% – представители других национальностей³.

Таким образом, анализ эволюции этнического состава правящей элиты Башкортостана полностью подтверждает вывод о значении этнического аспекта в политике как красивого пропагандистско-идеологического прикрытия более глубокой, латентной конкуренции в борьбе за реальную власть: «...в странах мира, где этнические факторы активно используются как державообразующий принцип, интересы государства часто отождествляются с интересами доминирующего (титульного) народа, и его национальная особенность используется как предлог для отступления от общечеловеческих ценностей, включая соблюдение прав человека. Поэтому теоретически можно предполагать, что тюркские республики России представляют собой более благоприятную среду для развития авторитаризма»⁴. Между тем, как показывает анализ, этнический фактор эволюции политической элиты в республиках имеет не только маскировочное, но и собственное значение.

Развитие этнического содержания политической элиты Татарстана и Башкортостана очень показательно иллюстрирует пример эволюции представленности национальных групп в законодательных ассамблеях в постсоветский период (таблица 6). Казалось бы, самая демократичная по принципу формирования законодательная ветвь власти, которая в условиях свободного волеизъявления избирателей должна наиболее адекватно отражать национальный состав общества, в Башкортостане и Татарстане демонстрирует порядковый рост титульной составляющей. В Башкортостане и Татарстане в силу воздействия особенностей этноисторического развития этнический фактор эволюции политической элиты проявляется в трех основных аспектах: *собственно этническом, этноязыковом и этнотерриториальном*. Кратко рассмотрим соответствующие сюжеты элитического процесса.

---

¹ Илишев И.Г. Национальные меньшинства и государственное строительство в Российской Федерации / Демократия и национальные движения в современном мире: Мат-пы российско-американского семинара. 20-22 октября 1999 г. Уфа, 1999. С. 90-91.

² Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности России. М., 1997. С. 121.

³ См.: Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6; Зазнаев О. Республика Татарстан // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1997. № 2.

⁴ Мацузато К. Указ. соч. С. 6.

Таблица 6

Представленность национальных групп в Законодательном Собрании Татарстана в динамике (1990-1999 гг.), %

Национальность	Верховный Совет и Госсовет РТ			Представленность в населении
	1990 г.	1995 г.	1999 г.	
титульная	58	73,3	76	48,3
русские	28	25,1	23	43,5
татары	-	-	-	-
другие	14	1,6	1	8,2

Представленность национальных групп в Законодательном Собрании Башкортостана в динамике (1990-1999 гг.), %

Национальность	Верховный Совет и Госсобрание РБ					Представленность в населении в целом
	1990 г.	1995 г.		1999 г.		
		Палата представителей	Законодательная палата	Палата представителей	Законодательная палата	
титульная	33,5	41,1	55,8	39,3	55	21,9
русские	35,7	23,3	20,5	23,3	22,5	39,3
татары	22,5	29,5	14,7	30	15	28,4
другие	8,2	6,1	8,8	7,4	7,5	10,6

Примечание. Таблица составлена по: Исхаков Д. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 170-171; Зазнаев О. Республика Татарстан: региональные особенности выборов-99 // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2000. № 1; Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995; Мат-лы текущего архива Центризбиркома РБ.

В собственно этническом смысле анализ динамики руководства Башкортостана в позднесоветский и постсоветский периоды показывает рост доли элиты титульной национальности. Если в элите 1986 г. башкиры составляли 44,7%, то в 1990-1991 гг. достигли 50%, а в 1995 г. и 1999 г. – уже 55,6% и 56,6% соответственно (таблица 7).

Таблица 7

Динамика этнического признака структурных групп политической элиты Башкортостана (1986-1999 гг.), %

Национальность	Структурные группы политической элиты	Период			
		1986 г.	1990-1991 гг.	1995 г.	1999 г.
Башкиры	Высшая	40	42,8	73,3	59,1
	Правительственная	39,1	57,6	55,9	59,6
	Территориальная	47,1	48,4	48	54,8
	Всего	44,7	50,1	55,6	56,6
Русские	Высшая	36	35,7	20	22,7
	Правительственная	26,1	15,1	14,7	25,9
	Территориальная	31,4	27,4	16	23,3
	Всего	31,3	25,4	16,1	23,8
Татары	Высшая	16	14,3	6,6	13,6
	Правительственная	26,1	18,2	26,5	11,1
	Территориальная	15,7	20	28	16,4
	Всего	17,8	19,1	25	14,7
Другие	Высшая	8	7,1	-	4,5
	Правительственная	8,6	9,1	2,9	3,7
	Территориальная	5,7	4,2	8	6,5
	Всего	6,8	5,6	5,6	4,9

Структурно наиболее заметен рост доли башкир в высшей политической элите республики (в 1,8 раза) и в правительственной подгруппе (в 1,5 раза). Среди первых руководителей республиканских территорий титульная кадровая составляющая также растет, но значительно меньшими темпами, чем в других группах (на 7,7 %). Примечательно и то, что в 1999 г. из восьми ключевых, наиболее значимых по полномочиям фигур государственной власти (президент, премьер-министр, руководитель администрации Президента, госсекретарь, руководители Госсобрания-Курултая) пятеро были башкирами (все – башкироязычные), один русский (председатель Госсобрания) и один татарин (председатель Законодательной палаты). Более сильно перекося в этническом составе республиканской власти проявляется при анализе ее исполнительных структур. В связи с тем, что официально информация о национальном составе администрации Президента и Кабинета министров в Башкортостане не распространяется, попытаемся проследить этническую представленность на различных уровнях исполнительной власти: среди первых лиц и в структуре аппарата. Для более объективного анализа сопоставим расчеты, произведенные нами на основе биографических данных высшей политической элиты, и материалы, полученные через неформальные каналы из кадровой службы администрации Президента РБ.

Таблица 8

Представленность этнических групп в структурах исполнительной власти РБ, %

Национальность	Кабинет министров		Главы администраций городов и районов		Аппарат администрации Президента, 1995 г. (архив)
	Расчеты автора	Архивные данные, 1995г.	Расчеты автора	Архивные данные, 1995 г.	
Башкиры	59,0	55,9	49,0	48,0	44,0
Русские	15,0	14,7	15,0	16,0	32,0
Татары	22,0	26,5	25,0	28,0	19,0
Другие	4,0	2,9	8,0	8,0	5,0

Таблица 9

Представленность этнических групп в аппарате городских и районных администраций, среди руководителей местных администраций Башкортостана в 1995 г. (архивные данные), %

Национальность	Руководители кадровых служб администраций городов и районов	Заместители глав администраций городов и районов	Начальники управлений, зав. отделами администраций городов и районов	Главы администраций сельских и поселковых советов
Башкиры	50,7	35,9	31,0	36,0
Русские	19,4	22,2	26,5	15,6
Татары	25,4	35,5	34,6	36,8
Другие	4,5	6,4	7,9	11,6

Несколько отличается от первых лиц национальный состав исполнительных структур власти на уровне аппарата и руководителей местных администраций. Анализ показывает, что по мере понижения властных полномочий представленность этнических групп постепенно выравнивается.

В связи с тем, что во всех сегментах власти Республики Башкортостан и особенно в высших ее эшелонах доминируют, иногда кратно, представители башкир, политичес-

кая элита других национальностей, оттесненная с олимпа власти, не может этим удовлетвориться и интенсивно формирует политическую оппозицию. Весьма симптоматично, что среди политиков башкирской национальности практически нет оппозиционеров. Лидеры русского и татарского национальных движений постоянно и ожесточенно критикуют сложившуюся в республике систему власти за ее этнократичность. Активисты татарского национального движения так оценивают сложившуюся ситуацию: «Неограниченная президентская власть используется башкирской этнократией для укрепления этнонациональной государственности... Произошел самозахват власти узким кругом людей, стоящих на позициях откровенного национализма и шовинизма...»¹. Более структурированно сложившаяся система власти рассматривается в документах русских национальных организаций: «Происходит «нацификация» управления: в республике сложилась ситуация, когда представители титульной национальности назначаются формальными руководителями-директорами, заведующими, а реальную работу за них «тянут» заместители из числа русских или татар»².

Национальный состав высшей политической элиты Башкортостана представляет собой отнюдь не чисто научную этнополитологическую проблему, а часто выступает предметом ожесточенных дискуссий и спекуляций со стороны различных политических и этнообщественных движений и объединений, что постоянно «подогревает» общественно-политический процесс в республике. Причем претензии к национальному составу органов власти предъявляют не только деятели и организации, выступающие в поддержку русского и татарского самосознания, что вполне естественно, но и лидеры башкирского этнополитического движения (при этом наиболее ожесточенно). В различного рода официальных документах (заявления, обращения, постановления и т.д.) авторитеты башкирского национального движения «...особенно часто жалуются... на то, что специалисты из башкир не могут пробиться в руководящие органы, что среди руководителей крупных промышленных объектов, акционерных обществ, банков, по существу нет башкир и что все ключевые позиции в экономической сфере занимают татары и русские»³.

В массовом политическом сознании населения факт доминирования башкир в правящих структурах формирует устойчивую и все более возрастающую уверенность в том, что принадлежность к титульной нации дает в республике преимущества в социальной карьере, при поступлении в вузы, устройстве на работу на руководящие посты и т.д. По результатам нескольких масштабных социологических опросов населения, проведенных при нашем участии (профинансированных некоторыми американскими научными фондами), в 1993-1997 гг. (июнь 1993 г., ноябрь 1993 г., март 1997 г.) от 40,5% респондентов-башкир до 60,3% представителей других национальностей считали, что национальная принадлежность титульного характера дает приоритет при поступлении в вуз в Башкортостане⁴. Этот стереотип массового мышления становится одним из существенных факторов потенциальной межэтнической конфликтности.

Важным и отличающим Республику Башкортостан от других российских регионов является *этноязыковой аспект* эволюции политической элиты. Дело в том, что в силу особенностей этноисторического развития в дореволюционную эпоху и особенно в советский период в Башкортостане сложилась достаточно противоречивая этнодемографическая ситуация применительно к взаимодействию двух основных народов: башкир и татар. Этногенетически так называемая татаро-башкирская проблема основыва-

¹ Идель-Урал. 1994. №15 (орган татарской демократической партии «Идель-Урал»).

² Отечество. 1995. 20 сентября (орган общественного движения «Русь»).

³ Габдрафиков И.М. Республика Башкортостан: модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 36-37.

⁴ Губогло М.Н. Развивающийся электорат России. Т.1: Истоки. М., 1996. С. 115.

лась на том, что формирование этих двух близкородственных тюркских народов происходило на просторах Волго-Уральской историко-этнографической области вплоть до середины XIX в. в теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости. В период нациогенеза в конце XIX в. – начале XX в. культурно-языковые связи не ослабли, а даже усилились. Это привело к тому, что преобладающие группы татар и башкир разговаривали практически на одном языке или на очень схожих диалектах. Ситуация изменилась под воздействием двух групп факторов. Во-первых, в результате общего подъема национально-освободительного движения народов Российской империи, революционных событий 1917 г. и в ходе гражданской войны, несмотря на неоднократные попытки и буржуазных националистов (проект «Идель-Урал») и большевиков (проект «Татаро-Башкирской Республики») создать объединенную татаро-башкирскую государственность, образовались отдельные советские республики: сначала Башкортостанская (1919 г.), а затем Татарстанская (1920 г.) автономии. При этом все западные и северо-западные (по размерам – более половины) территории современного Башкортостана, заселенные в основном татароязычным населением (татарами и татароязычными башкирами), вплоть до лета 1922 г. не входили в состав соседних республик, а оставались в границах сохранявшейся Уфимской губернии. В 1922 г. специальным решением ВЦИК, упразднившим Уфимскую губернию, этот регион был включен в состав «Большой Башкирии». В результате, как пишет известный башкирский историк Б.Х.Юлдашбаев, «татаро-башкирский вопрос сохранялся, но теперь не столько как спорный проект объединения Башкортостана с Татарстаном, сколько как проблема взаимоотношений двух тюркоязычных народов в пределах многонациональной Большой Башкирии»¹.

Во-вторых, существенное влияние на генезис татаро-башкирской языковой проблемы оказало введение во второй половине 20-х годов канонов башкирского литературного языка, развивавшегося до этого в основном в рамках «тюрки», т.е. «старотатарского» языка. Тогда в результате ожесточенной дискуссии среди лингвистов и политиков было принято решение взять за основу литературного башкирского языка юго-восточные (по тогдашней номенклатуре – юрматынский и кувандыкский) диалекты, наиболее сильно отличающиеся от татарского языка. В результате практически все западные и северо-западные башкиры превратились в татароязычных, а довольно большие группы башкир из центрального и северного регионов стали говорить на диалектах более близких к татарскому, чем к башкирскому литературному языку². К этому добавилась возникшая уже в советское время и реализуемая некоторыми представителями татар Башкортостана практика «записываться в башкиры» с целью обеспечения будущей карьеры в органах власти. В политической элите республики эта тенденция стала довольно распространенной. Поэтому в собственно башкирской националистической среде вскоре возникла традиция делить башкир на «наших» и «не наших», «истинных» и «сделанных», «настоящих» и «ненастоящих». Это противопоставление играет весьма заметную роль в процессах консолидации и дифференциации даже современной политической элиты Башкортостана.

Анализ динамики этноязыкового аспекта элитического процесса в Башкортостане показывает, что башкироязычные башкиры, которые уже в 1986 г. составляли 59,6% элиты, вытесняют с политического олимпа татароязычных башкир, которых они в этнополитическом противоборстве рассматривают в качестве союзников татарской элиты республики. Особенно заметен рост «башкироязычности» в группе территориальных

---

¹ Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 109.

² См.: Кузеев Р.Г. Социальное и этническое в современных этнонациональных процессах. Препринт. Уфа, 1988. С. 25-30.

руководителей РБ: если в 1986 г. татароязычные башкиры здесь даже преобладали (54,5%), то в 1990-1991 гг. они начали уступать, а к 1995 г. более чем в два раза (30,5 %) отстали по численности от своих башкироязычных соплеменников (таблица 10).

В категории высшей политической элиты Башкортостана соотношение разноязычных представителей титульного народа держится приблизительно на одном уровне (80:20) и почти адекватно отражает этнодемографическую конфигурацию башкирского народа в целом (79% и 21%)¹. Традиционно высоким (81-88%) остается уровень «башкироязычности» правительственной элиты Башкортостана (за исключением 1990-1991 гг.). Несмотря на это, башкирские националистические организации именно в отношении этноязыкового состава правительственной власти республики проявляют наибольшее недовольство: «Даже в застойные времена во главе Совета министров и Верховного Совета находились лица башкирской национальности, владеющие башкирским языком. А сейчас среди первых лиц руководства Кабинета министров нет человека, владеющего башкирским языком. Бакиевы, Шакировы, Шаретдиновы (фамилии премьера, вице-премьера и министра с 1994 по 1998 гг. – Р.Г.) – люди, придерживающиеся про-татарских взглядов и им чужды интересы башкир»².

Таблица 10

Динамика этноязыкового признака структурных групп политической элиты Башкортостана башкирской национальности (1986-1999 гг.), %

Этноязыковые группы	Структурные группы элиты	Период			
		1986 г.	1990-1991 гг.	1995 г.	1999 г.
Башкирский язык	Высшая	80	83,3	81,8	69,2
	Правительственная	88,9	68,4	84,2	81,2
	Территориальная	45,5	52,1	69,4	60
	Всего	59,6	59,2	75,8	66,7
Татарский язык	Высшая	20	16,7	18,2	30,8
	Правительственная	11,1	31,6	15,8	18,8
	Территориальная	54,5	47,8	30,5	40
	Всего	44,4	40,1	24,2	33,3

Этнотерриториальный аспект элитического развития в РТ и РБ по нашей методике представляет собой синтетическое взаимодействие субэтнических, родоплеменных и кланово-земляческих подходов к рекрутированию современной политической элиты. В Татарстане, как показывает специальный анализ, происходит возрождение субэтнического самосознания некоторых групп татар, в среде творческой и этнически ангажированной интеллигенции развивается дискуссия «булгаристов» и «татаристов»³. В ходе элитогенетического процесса в Башкортостане, в отличие, например, от среднеазиатских государств⁴ или северокавказских и некоторых других российских респуб-

¹ По результатам переписи 1989 г. около 21% (178,5 тыс.) башкир Башкортостана считают родным языком татарский. См.: Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1990. С. 20.

² Из отчетного доклада председателя БНЦ «Урал» М.Кульшарипова и председателя Народной партии Башкортостана Р.Нигматуллина // Замандаш. 1995. № 4; Известия Башкортостана. 1996. 7 февраля.

³ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 92-99.

⁴ См. например: Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. М., 1998; Масанов Н.Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. 1996. № 1; Амеркулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3.

лик¹, пережитки родоплеменных отношений не играют столь существенной роли, хотя элементы трайбализма все же присутствуют. Приведенный вывод в наибольшей степени относится к башкирской национальной элите, так как в этническом самосознании башкир (в отличие от татар и русских) хорошо сохранились и функционируют родоплеменные субэтнические представления. Изучение этой большой и многоплановой проблемы, представляющей собой отдельную исследовательскую задачу, значительно затруднено в связи с отсутствием репрезентативного корпуса источников. Представители элиты не указывают в биографиях и анкетах свои родовые корни и земляческие пристрастия. Не созданы пока и достаточно эффективные методики социологического анализа масштабов и направлений развития неизбежно возрождающегося в условиях «национального ренессанса» субэтнического самосознания. Вместе с тем исследование родового и земляческого факторов развития современной элиты возможно на основе изучения географии рождения (посредством этнологического сравнения территориальной и родоплеменной этнонимии) и основных этапов номенклатурной карьеры ее представителей. Однако в этом случае анализ становится индивидуализированным и трудно поддается формализации. Пока же результаты некоторых специальных этносоциологических исследований фиксируют, что «...башкирская элита строится преимущественно по социальному принципу: ее основу составляют функционеры-выдвиженцы из сельской местности. Главная цель башкирской политической элиты – достижение власти путем всесторонней мобилизации этничности среди башкирского населения. При этом попутно ей решается и другая задача – максимальное продвижение своих членов по ступеням государственной иерархии, получение рабочих мест с наибольшим полезным эффектом. Результатом этой деятельности является ощутимый рост в последние годы доли башкир в аппарате министерств республики»².

Как показывает анализ внутриэлитного взаимодействия различных группировок в руководстве республики, более существенную роль, нежели рождение в одной местности или происхождение из одного родоплеменного клана, в консолидации правящей элиты играет территория и окружение, в которых происходило становление политических лидеров. Зафиксированная в российской элитологии так называемая кугарчинская³ группировка во главе с М.Рахимовым⁴ сформировалась как раз не благодаря общности происхождения, а на основе совместной политической деятельности перед приходом в высшую элиту. Так или иначе сопоставление мест рождения представителей элиты РБ в исследуемый нами период показывает, что от советского к постсоветскому времени возрастает роль выходцев из южного и юго-восточного регионов (с 41,4% в 1986 г. до 53,4% в 1999 г.) и соответственно падает влияние уроженцев западных и центральных районов и городов республики. Как показывает анализ, наибольший рост юго-восточной по рождению элиты происходит за счет руководителей республиканских территорий: с 1986 г. по 1999 г. эта группа увеличилась почти в 1,5 раза (с 37,1 до 53,7%). Причем рост кадрового значения юго-восточных и южных по происхождению глав администраций в Башкортостане осуществляется в большей степени за счет городов и районов столицы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что назначение глав админи-

---

¹ См.: Панеяш Э.Х. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти. СПб., 1995; Гоголданова З.Э.- Г., Гузенкова Т.С. Субэтнические группы: представления и реальность // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. М., 1993.

² Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998. С. 60.

³ По названию одного из сельских районов Башкортостана, где родился М.Рахимов и откуда он был избран в 1990 г. депутатом Верховного Совета БАССР (это стало отправной точкой стремительной политической карьеры рядового директора одного из уфимских нефтеперерабатывающих заводов).

⁴ См.: Тюков Н., Запеклый А. Элиты российских регионов: формирование и развитие // Трансформация российских региональных элит.... С. 88.

страций городов и районов в Башкортостане осуществляется сейчас применительно к территориальным лидерам во изменение баланса автохтонности и «пришлости», сложившегося еще в советскую эпоху.

Анализ развития политической элиты Башкортостана и Татарстана в постперестроечную эпоху показывает, таким образом, что этнический фактор приобрел одну из ведущих ролей в современном элитогенезе значительной группы субъектов Российской Федерации, обладающих к тому же достаточно высокой степенью политической суверенности по отношению к общероссийской государственной системе. Основываясь на начальном этапе на объективном процессе возрождения титульных для российских республик наций, этнический фактор элитической эволюции с течением времени все больше начинает выполнять функцию своеобразного идеологического обоснования произведенного номенклатурного раздела власти. По-видимому, произошло и определенное насыщение кадрового состава политической элиты титульной этнической составляющей. Поэтому в ближайшие годы следует ожидать не только стабилизации титульноориентированного этнического состава правящей элиты в российских республиках, но и, может быть, некоторого отката назад.

Одновременно продолжается процесс этатизации политической элиты, основанный на авторитарно-номенклатурной узурпации власти и отчуждении от нее широких слоев населения.

Структура власти и характер режима

Интенсивная *этатизация* политической элиты национальных республик России и Башкортостана в постперестроечный период начала осуществляться на основе причудливого переплетения феномена суверенизации и инерционных последствий внутренней борьбы в центрально-федеральной правящей элите, развернувшейся после августовского (1991 г.) путча. После событий 1991 г. Б.Н.Ельцин под предлогом необходимости «не обострять политическую ситуацию накануне радикальной экономической реформы» провел через парламент решение об отмене процедуры выборов глав регионов и о назначении их президентом. В республиках это постановление было продублировано применительно к «своим» городам и районам. Однако если на федеральном уровне подобный подход считался временным, в республиках он приобрел форму закона и был закреплен в принятых позднее конституциях. Одновременно в республиканских законах о порядке формирования legislatures было закреплено положение, разрешающее совмещать работу в исполнительных органах с депутатством в законодательных ассамблеях. Это в конце концов полностью подчинило Законодательные Собрания республик исполнительной власти, разрушило *de facto* возможность реализации принципа разделения властей.

В дальнейшем феномен *этатизации* политической элиты, под которым мы понимаем не количественное увеличение ее государственных характеристик, а двуединый процесс: с одной стороны, авторитарной и номенклатурной узурпации власти, с другой – отчуждения от системы власти широких слоев населения, в российских республиках эволюционировал в рамках доминирования нескольких тенденций властных отношений, приобретая более или менее устойчивое состояние. Оно характеризуется

унификацией пространства власти на основе фактического (при юридическом разделении) объединения исполнительной и законодательной ветвей и полного подчинения последней высшему политическому руководству в лице президента и его прибли-

женных. При этом члены правительства и руководители республиканских территорий, назначаемые президентом, почти полностью укомплектовывают законодательные собрания республик;

созданием системы жесткого контроля местного управления в городах и районах, превращением его даже на муниципальном уровне в почти исключительно государственное. Практическим отсутствием, несмотря на некоторую законодательную базу, местного общественного самоуправления, являющегося, как известно, социально-политическим фундаментом гражданского общества; полным отчуждением от местного самоуправления властного и финансово-экономического ресурсов¹. При этом на уровне района или города происходит совмещение должности назначаемого президентом главы администрации с постом председателя соответствующего представительного органа либо посредством формальных выборов, либо даже методом кооптирования;

фактическим подчинением республиканской исполнительной власти федеральных правоохранительных и фискальных органов (минюст, МВД, налоговая инспекция, налоговая полиция и т.д.), наличием собственных контролирующих организаций (например, в Башкортостане – Государственный контрольный комитет), использованием в отдельных случаях во внутриреспубликанских политических разборках региональных отделений службы национальной безопасности страны;

небезрезультатными попытками властвующей элиты российских республик подчинить себе систему судебной власти или создать свою оригинальную систему судостроительства. Не случайно между республиканской элитой и федеральным руководством в последние годы развернулась ожесточенная дискуссия по вопросу о подчиненности системы судебной власти и структурных способах ее организации²;

исключительным (иногда с нарушением гражданских прав) «своеобразием» избирательных систем в отношении выборов местных legislatures и глав исполнительной власти – президентов, абсолютной зависимостью руководства республиканских избиркомов от президентских служб. Это позволяет политическим лидерам республик в составе РФ при помощи особых избирательных технологий (особой нарезки округов, безальтернативности выдвижения, особенностей регистрации кандидатов и т.д.) полностью контролировать процесс выборов и удачно пресекать попытки оппозиционеров бороться за власть еще на этапе регистрации, не доводя их до собственно выборов³;

полным подчинением руководству российских республик местных электронных СМИ и периодических печатных изданий. Преследованием оппозиционной печати, сокращением и даже попытками прекратить трансляцию национальных телевизионных каналов.

Процесс такой масштабной по размерам и глубине этагизации правящей элиты и всего политического процесса в российских республиках привел к своеобразному, парадоксальному развитию пространства власти. С одной стороны, власть как особенный феномен человеческой цивилизации в полном соответствии с процессами демократизации, охватившими нашу страну, в территориальном смысле приблизилась к народу как к главному носителю и объекту властвующего воздействия. В то же время в сущностном значении движение власти от центра к человеку не только остановилось на уровне

---

¹ Мухарямов Н. «Модель» Татарстана // Реформы местного самоуправления в региональном измерении. М., 1999. С. 217-219.

² См. например: Муксинов И. О согласовании конституционного законодательства Российской Федерации и Республики Башкортостан // Что хотят регионы России? М., 1999. С. 60-62; Мухарямов Н. Указ. соч. С. 209-210.

³ Татарстанская модель подобных технологий, почти аналогичная башкортостанской, хорошо описана казанскими политологами В.Михайловым и М.Фарукшиным. См.: Особая зона: выборы в Татарстане. Ульяновск, 2000.

республиканской элиты, но и встретилось там с некоторыми сегментами, отобранными у местного управления. Таким образом, в основном смысловом значении власть отделилась от общества, а степень взаимоотношения населения и властных структур увеличилась. Даже в условиях советской тоталитарной системы в случае произвола со стороны республиканской власти конкурирующие с ней политические акторы могли апеллировать к руководству партии и страны и, таким образом, сыграв на противоречиях центральной и региональной правящих элит, получали возможность совершить политический маневр. Современные оппозиционеры, находящиеся в противоборстве с правящей элитой российских республик, при отсутствии достаточно развитых демократических процедур и традиций политического волеизъявления вынуждены действовать по правилам теневой номенклатурной политики, иначе они заранее обречены на поражение.

Как показывает диахронный политологический анализ, именно создание замкнутой авторитарно-номенклатурной системы власти в российских республиках потушило всплеск партийной активности населения начала 90-х годов, сделав политические партии лишними элементами государственно-общественной жизни. Не случайно даже в Татарстане с его многопартийностью, в котором мощный импульс формированию партийной системы придавало интенсивное развитие многочисленных этнообщественных и этнополитических объединений, выборы в первый состав постсоветского парламента – Госсовета продемонстрировали провал партийно-политических иллюзий. Чуть больше 8% депутатов Госсовета в 1995 г. являлись представителями общественных объединений и партий. В дальнейшем по мере укрепления авторитарно-номенклатурной системы власти роль партий в элитогенезе продолжала падать.

В Башкортостане партийно-романтический период политического развития был еще короче и к моменту первых выборов в Госсобрание – Курултай (1995 г.) никак не отразился на депутатском корпусе. Показательно, что даже наиболее «пассионарные» лидеры этнополитических движений, стремившиеся пройти в парламент от «башкирских» по преобладающему составу населения регионов республики, не смогли составить достойную конкуренцию кандидатам, официально протезируемым исполнительной властью. На мой взгляд, решающими причинами подобной «парламентской слабости» этнополитических партий и организаций Башкортостана (по сравнению с Татарстаном) стали два обстоятельства. Во-первых, в Башкирии этнонациональные движения раздроблены пропорционально проживающему населению на три основные группы: башкирское, русское и татарское, которые часто выступают соперниками. Во-вторых, официальная власть Башкирии так же, как и в Татарстане, дистанцируется от национальных объединений, в том числе титульных, с целью приобретения имиджа организатора общереспубликанской гражданственности по формуле «многонациональный народ Башкортостана» для политической мобилизации всего населения республики против «унитарных» действий федерального центра.

Особенно заметна эволюция номенклатурно-партийного состава Законодательных Собраний Татарстана и Башкортостана при его рассмотрении в динамике (таблица 11). Как видно из таблицы, небольшие изменения в сторону технократизации происходят лишь внутри контролируемой исполнительной властью парламентской элиты. Неизбежно падает роль партийной составляющей политической жизни и в законодательных собраниях республик.

Существенно ослабляет «партийно-публичную» политическую деятельность в российских республиках (в том числе в парламентах) формирование избирательных систем на основе территориальных округов, без пропорционального партийного представительства. Как известно, «разные избирательные системы по-разному влияют на про-

цессы формирования партий. Пропорциональная модель выборов по партийным спискам способствует созданию и развитию политических партий, выборы по одномандатным мажоритарным округам тормозят этот процесс»¹. При этом в российских республиках (во всяком случае в Башкортостане и Татарстане), где правящая элита не признает никакой оппозиции, никаких парламентских фракций на партийной основе и выступает категорически против избрания хотя бы части депутатов по партийным спискам, мажоритарная избирательная система при полном контроле над территориями и низкой гражданской активности населения является весьма эффективным способом удаления с поля политической борьбы оппонентов из числа политизирующей интеллигенции, объединяющейся обычно по партийным пристрастиям.

Таблица 11

Номенклатурно-партийный состав Законодательных Собраний Башкортостана и Татарстана в динамике (1995-1999 гг.), %

	Госсовет РТ		Госсобрание – Курултай РБ	
	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.
Представители исполнительной власти	56,6	66,7	71,3	62,5
Руководители крупнейших предприятий	13,7	20,3	21,9	35,5
Представители партий и объединений	8,1	Нет свед.	1,4	0,7
Другие	13,7	13	5,4	1,3

Примечание. Составлено и рассчитано нами по: Исаков Д. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 153-178; Зазнаев О. Республика Татарстан: региональные особенности выборов-99 // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1; Проблемы укрепления государственности Республики Башкортостан. Уфа, 1998. С. 62; Мат-лы текущего архива Центризбиркома РБ.

Анализ, проведенный Г.Голосовым на основе материалов 69 субъектов Российской Федерации по результатам последних выборов в Законодательные Собрания, показывает, что Башкортостан и Татарстан наряду с другими республиками, где сложился схожий авторитарно-номенклатурный режим правления, демонстрируют самый низкий процент партийных выдвиженцев и в составе Собраний и в общем числе выдвинутых, в то время как во многих областях и более демократических республиках эти характеристики на несколько порядков выше². Логическим следствием такой жесткой рекрутации состава парламентских собраний исполнительной властью в РБ и РТ является по преимуществу номенклатурное происхождение властвующих политических элит. Например, в Татарстане по расчетам, основанным на различных методиках, от 59,5% до 92% правящей элиты составляют представители бывшей партийно-советской номенклатуры³. Даже время постперестроечного десятилетия не может «выжечь» номенклатурное содержание элиты. Разница лишь в том, что изменились основные источники рекрутации формируемой посредством назначения элиты. Если в советскую эпоху это были работники территориальных партийных и советских органов власти, то сейчас – выходцы из аппарата министерств, местных администраций, не имеющие опыта партийно-советской работы.

Некоторые исследования современного избирательного процесса и партий в российских регионах показывают, что «в целом по мере формирования региональных политических институтов, несмотря на усиливающуюся региональную дифференциацию, наблюдает-

¹ Рыжков В.А. Странная федерация: Проблемы и перспективы развития федерализма в России // Политика. 1999-2000. № 4. С. 90.

² Голосов Г.В. Политические партии на региональном уровне // Политическая социология и современная российская политика. СПб., 2000. С. 228-246.

³ См.: Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань, 1998. С. 65.

сы тенденция к повышению роли партий как коллективных акторов в политическом процессе»¹. Однако диахронный анализ развития партийных систем в Башкортостане и Татарстане за последнее десятилетие фиксирует стабильное и существенное снижение роли политических партий в пространстве власти в двух смыслах. С одной стороны, заметно падает значение партий во внутриреспубликанской политической жизни. Этому в большей степени способствуют не те причины, что были вызваны объективной общественно-политической эволюцией (конец митингово-уличной эйфории начала 90-х годов, уменьшение этнополитической активности, структурализация политического процесса и т.д.), а факторы, связанные с завершением формирования в российских республиках авторитарно-номенклатурных систем правления. Последние отторгают публично-демократические институты политики «за ненадобностью» и из-за потенциальной опасности для авторитарной монополии власти. С другой стороны, даже после предпринятых за последние годы со стороны правящей элиты республик колоссальных усилий по мобилизации региональной активности общенациональных партий для достижения влияния на центральную законодательную власть, эти республиканские отделения остаются очень нежизнеспособными, «фасадными» партиями, созданными как прямое продолжение государственных структур, и состоят поголовно из работников аппарата. Такие партии моментально рассыпаются после очередной неудачи на федеральных выборах. В российских республиках таковыми были первоначально очень амбициозные и претендовавшие на региональную специфику отделения движений «Наш дом – Россия», «Отечество», «Вся Россия» и т.д.

В новейших исследованиях по проблемам отечественной политической регионологии за последние годы выдвинуто несколько разнообразных определений режимов власти, сложившихся в постсоветский период в российских республиках. Это сформировало дискуссионную ситуацию. Судя по всему, дискуссия о смысле региональных политических режимов России будет усиливаться и приведет к вычленению не меньшего количества «-измов» и «-атий», чем полемика о характере постсоветской трансформации, хорошо изученная В.Гельманом по материалам западной и российской политологии².

Например, видный казанский этнолог Д.М.Исхаков, ссылаясь на терминологический аппарат одного из авторитетов западного обществознания (Франсиско С.Веффорт), называет формирующуюся политическую систему современного Татарстана «полномочной демократией»³, в которой президент является «олицетворением нации, основным выразителем национального интереса, которому он сам дает определение»⁴.

Специалист по российской политической географии Н.Петров, используя понятие, введенное популярным аргентинским политологом Г.О Доннелом («делегативная демократия»), считает политический порядок в российских регионах вторым этажом «двухэтажной делегативной демократии»⁵.

Известный казанский политолог М.Фарукшин, основываясь на характеристике моделей российских политических режимов, предложенных В.Гельманом, считает, что в Татарстане сложилась «авторитарная ситуация», и выделил восемь определяющих ее факторов⁶.

¹ Люхтерхандт-Михалева Г. Избирательный процесс и партии в российских регионах // Выборы и партии в регионах России. М.; СПб., 2000. С. 167.

² Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999. С. 15-83.

³ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. С. 171-172.

⁴ Веффорт Франсиско С. Что такое «новая демократия»? // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 125-137.

⁵ Петров Н. Федерализм по-русски // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 28.

⁶ Фарукшин М. Авторитарная ситуация в региональном преломлении: Татарстан // Полития. 1999-2000. № 4. С.130-131.

Подробно проанализировав эволюцию системы власти в Башкортостане по материалам различных источников (в том числе личным наблюдениям и интервью), немецкий политолог Й.Гревингольт назвал режим РБ «постсоветским региональным авторитаризмом»¹.

М.Н.Афанасьев, одним из первых в отечественной науке разработавший проблему клиентеллизма применительно к системе российских властеотношений, определяет политические режимы в республиках как в значительной степени «феодалные», «сеньориальные», основанные по преимуществу на неформально-личностном характере рекрутирования и функционирования правящих групп. Основываясь на введенном М.Чешковым понятии «постноменклатурный конгломерат», М.Афанасьев предлагает собственное идеально-типическое определение всего российского властвующего слоя как «постноменклатурный патронат»².

В работах О.Сенатовой и С.Борисова система власти в российских регионах характеризуется в рамках концепции «регионального авторитаризма», характерные составляющие которого, несмотря на общую демократизацию в стране, ярко проявились в пространстве власти России в 90-е годы³.

В.Я.Гельман, специально исследовавший региональные политические режимы России через совокупность четырех независимых переменных (ресурсы – институты – акторы – стратегии) и проинтегрировавший их с четырьмя основными типами трансформационного перехода элит («победитель получает все», «сообщество элит», «борьба по правилам», «война всех против всех»), считает, что Башкортостан развивается в сценарии «сообщество элит», хотя по характеристикам политического режима его развитие (вместе с Татарстаном) все же ближе к первому сценарию («победитель получает все»)⁴. Одновременно В.Гельман критикует концепцию «регионального авторитаризма», считая, что говорить об этом феномене «как о сложившейся целостной системе все же не приходится», хотя при этом он апеллирует к данным по регионам «нереспубликанского» типа⁵.

Активист правозащитного движения В.Михайлов, хорошо изучивший на примере нескольких выборов (1993, 1996, 1999 и 2000 гг.) «особую» электоральную систему Татарстана и других республик России, определяет сложившийся здесь политический режим как *псевдодемократию*⁶.

Наконец, японский политолог К.Мацузато, особо выделяя в своем исследовании российской действительности субрегиональный уровень власти и считая локальную элиту главным актором политического процесса в стране, определяет политический режим в республиках России как «централизованный касикизм»⁷. Суть касикизма (от слова «касики» – аграрные боссы в странах Южной Европы XIX в., игравшие роль посредников между центральной властью и местными сообществами) при этом определяется как

---

¹ Gravingholt Jorn. Regionale Autonomie und postsowjetischer Autoritarismus: Die Republik Baschkortostan // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1999. № 16-17.

² Афанасьев М.Н. От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 3. С. 5; Афанасьев М.Н. Клиентеллизм и российская государственность. М., 1997. С. 206, 280.

³ Сенатова О. Региональный авторитаризм на стадии его становления // Куда идет Россия?...Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 146-151; Борисов С. Постоянные и переменные величины регионального политического процесса до и после выборов // Нижегородские выборы-95: новые тенденции и старые уроки. Нижний Новгород, 1996. С. 34-40.

⁴ Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999. С. 200-217.

⁵ Он же. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. № 3. С. 102-103.

⁶ Михайлов В.В. Псевдодемократические режимы в регионах России // Особая зона: выборы в Татарстане. Ульяновск, 2000. С. 79.

⁷ Мацузато К. Указ. соч. С. 4.

«система доминирования одной партии (формальной или неформальной) на локальном уровне, опирающаяся на административные и неформальные ресурсы»¹.

Мне представляется, что в политологии, в отличие от политической публицистики, принципиально важно не назвать систему власти (что часто вызывает очень болезненную реакцию самой политической элиты российских республик), а определить ее существенные характеристики и перспективы развития. Исходя из ставшего уже почти классическим определения Г.О Доннела и Р.Шмиттера, что политический режим есть «совокупность моделей, явных или неявных, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики акторов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные акторам стратегии борьбы за него»², необходимо выявить главных акторов властвования, способы их взаимодействия между собой и с широкой общественностью, а также степень структурной устойчивости сложившейся системы властеотношений. Одновременно нельзя заикливаться на имеющихся типологиях политических режимов с точки зрения их привычного значения по причине их условности. Например, некоторые виды авторитарного правления, несомненно, могут быть более легитимными, чем многие формальные демократии и наоборот. Именно поэтому, в отличие от В.Гельмана, я считаю принципиально возможным характеризовать региональные и особенно республиканские политические режимы России как авторитарные по их фактическому содержанию, хотя по формальным процедурным признакам они бесспорно относятся к демократическим.

При оценке политического режима наиболее важно определить главных носителей, своего рода монополистов власти и сложившуюся между их отдельными группами иерархическую структуру отношений, равно как и устойчивость этой структуры во времени. В анализируемых мной российских республиках (Башкортостан и Татарстан) такими носителями являются прежде всего президент и его ближайшее окружение (источник авторитарного содержания власти), политическая элита первого (администрация президента и правительство) и второго (главы администраций городов и районов) уровней. Политэлите первого и второго уровней я отношу к номенклатурному слою субъектов власти из-за их чрезвычайной схожести и по способам рекрутирования, и по объему полномочий – самостоятельности, и по принципам политического поведения с советской номенклатурой. В данном случае я понимаю номенклатуру как форму организации политической элиты, очень схожую с той, что была свойственна советскому обществу, и во многом преемственную. Практически аналогичное понимание основного властвующего слоя в республиканской региональной политической элите, жестко подчиненного авторитаризму губернатора, присутствует в работах некоторых других исследователей российских областей³. Настаивая на характеристике основного сегмента политической элиты российских республик именно как номенклатурной элиты и исходя из этого на определении сформировавшихся режимов власти как авторитарно-номенклатурных, я расхожусь с К.Мацузато в оценке роли субрегиональной элиты. У К.Мацузато, который скрупулезно исследует субрегиональную элиту российских и украинских областей, главы администраций городов и районов являются своего рода ка-

¹ Matsuzato K. Local Elites Under Transition: County and City Politics in Russia 1985-1996 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. № 8. 1999. P. 1396.

² O Donnel G., Schmitter P. *Transition from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 73. Цит. по: Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000. С. 19.

³ См.: Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // *Полис*. 1994. № 6. С. 43-45; Барзилов С., Чернышев А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // *Свободная мысль*. 1996. №1. С. 44-56.

сиками, самостоятельными и довольно независимыми игроками на политическом поле, согласованные действия которых могут существенно повлиять на высшую региональную власть (вплоть до ее смещения). Именно взгляд сквозь призму областных политических режимов приводит К.Мацузато к выводу о том, что в Татарстане сложился хоть и централизованный, но все же касикизм. При этом попытка переворота Р.Алтынбаева (май 1998 г.) приводится как эмпирическое подтверждение выдвинутой гипотезы. На мой взгляд, бунт Р.Алтынбаева по своим масштабам и глубине является для российских республик скорее исключением, чем правилом, так как руководители городов и районов в них находятся в полной зависимости от произвола президента и его ближайшего окружения, не являются в достаточной степени суверенными политическими акторами (даже победа Р.Алтынбаева не изменила бы структуру власти). Процедура формализованного избрания глав администраций депутатами республиканских legislatures является при этом вопреки штампам официальной пропаганды не способом их «дополнительной легитимации», а методом полного подчинения Законодательных Собраний авторитаризму президента при формально-конституционном разделении ветвей власти.

Тем не менее, несмотря на полное, безоговорочное господство власти президента над номенклатурным крылом политического режима, последний обладает довольно устойчивыми структурно-системными характеристиками. Это объясняется тем, что республиканская политическая элита первого и второго уровней кровно заинтересована в таких системах (невзирая на постоянно висящий над ней «дамоклов меч» президентского авторитаризма), в сохранении существующей организации власти, так как олицетворяя законодательную власть на уровне республики она осуществляет безраздельное господство в рамках своей ведомственной (министерство и т.д.) и территориальной (города, районы) компетенции. Главы администраций городов и районов, например в Башкортостане, назначенные на свой пост президентом, автоматически кооптируются или формально избираются на должность председателя соответствующего представительного органа, который к тому же обладает очень усеченными властными полномочиями. Поэтому следует ожидать, что республиканская номенклатура, абсолютно доминируя в legislature Башкортостана, будет всячески препятствовать любым попыткам изменить систему власти.

Таким образом, исходя из краткого анализа структурного содержания организации власти в Башкортостане, я определяю ее как *авторитарно-номенклатурный политический режим*. Выше я попытался показать, что предложенная мной характеристика имеет эмпирическую адекватность. Если же говорить о теоретической последовательности, то по предложенной Г.Голосовым классификации на основе трех измерений политический режим в Башкортостане занимает промежуточное положение между соревновательной олигархией и авторитарно-бюрократическим режимом, больше тяготея к последнему¹. Однако более эмпирически репрезентативной, несомненно, является классификация моделей трансформации посткоммунистических режимов, предложенная В.Гельманом. Политический режим рассматриваемых нами российских республик можно отнести к классической авторитарной ситуации, больше тяготеющей к авторитаризму, чем к делегативной демократии².

Так или иначе, как показало наше исследование, в политической элите Башкортостана очень важную роль играет субрегиональный уровень, представленный главами администраций городов и районов. Ниже мы попытаемся проследить некоторые тенденции эволюции субреспубликанской элиты в постсоветский период.

---

¹ Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995. С. 47-54.

² Гельман В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999. С. 110-150.